

Вариант 1.

Алисе наскучило сидеть с сестрой без дела на берегу реки; разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров.

- Что толку в книжке, - подумала Алиса, - если в ней нет ни картинок, ни разговоров?

Она сидела и размышляла, не встать ли ей и не нарвать ли цветов для венка; мысли ее текли медленно и несвязно - от жары ее клонило в сон. Конечно, сплести венок было бы очень приятно, но стоит ли ради этого подыматься?

Вдруг мимо пробежал белый кролик с красными глазами.

Конечно, ничего удивительного в этом не было. Правда, Кролик на бегу говорил:

- Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю.

Но и это не показалось Алисе особенно странным. (Вспоминая об этом позже, она подумала, что ей следовало бы удивиться, однако в тот миг все казалось ей вполне естественным.) Но, когда Кролик вдруг вынул часы из жилетного кармана и, взглянув на них, помчался дальше, Алиса вскочила на ноги. Ее тут осенило: ведь никогда раньше она не видела кролика с часами, да еще с жилетным карманом в придачу! Сгорая от любопытства, она побежала за ним по полю и только-только успела заметить, что он юркнул в нору под изгородью.

В тот же миг Алиса юркнула за ним следом, не думая о том, как же она будет выбираться обратно.

Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз. Не успела Алиса и глазом моргнуть, как она начала падать, словно в глубокий колодец.

То ли колодец был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше. Сначала она попыталась разглядеть, что ждет ее внизу, но там было темно, и она ничего не увидела. Тогда она принялась смотреть по сторонам. Стены колодца были уставлены шкафами и книжными полками; кое-где висели на гвоздиках картины и карты. Пролетая мимо одной из полок, она прихватила с нее банку с вареньем. На банке было написано «АПЕЛЬСИНОВОЕ», но увы! она оказалась пустой. Алиса побоялась бросить банку вниз - как бы не убить кого-нибудь! На лету она умудрилась засунуть ее в какой-то шкаф.

- Вот это упала, так упала! - подумала Алиса. - Упасть с лестницы теперь для меня пара пустяков. А наши решат, что я ужасно смелая. Да свались я хоть с крыши, я бы и то не пикнула.

Вполне возможно, что так оно и было бы.

А она все падала и падала. Неужели этому не будет конца?

- Интересно, сколько миль я уже пролетела? - сказала Алиса вслух. - Я, верно, приближаюсь к центру земли. Дайте-ка вспомнить... Это, кажется, около четырех тысяч миль вниз...

Видишь ли, Алиса выучила кое-что в этом роде на уроках в классной, и, хоть сейчас был не самый подходящий момент демонстрировать свои познания - никто ведь ее не слышал, - она не могла удержаться.

- Да так, верно, оно и есть, - продолжала Алиса. - Но интересно, на какой же я тогда широте и долготе?

Сказать по правде, она понятия не имела о том, что такое широта и долгота, но ей очень нравились эти слова. Они звучали так важно и внушительно!

Помолчав, она начала снова:

- А не пролечу ли я всю землю насквозь? Вот будет смешно! Вылезаю - а люди вниз головой! Как их там зовут?.. Антипатии, кажется...

В глубине души она порадовалась, что в этот миг ее никто не слышит, потому что слово это звучало как-то не так.

- Придется мне у них спросить, как называется их страна. «Простите, сударыня, где я? В Австралии или в Новой Зеландии?»

И она попробовала сделать реверанс. Можешь себе представить реверанс в воздухе во время падения? Как, по-твоему, тебе бы удалось его сделать?

- А она, конечно, подумает, что я страшная, невежда! Нет, не буду никого спрашивать! Может, увижу где-нибудь надпись! А она все падала и падала. Делать нечего - помолчав, Алиса снова заговорила.

- Дина будет меня сегодня весь вечер искать. Ей без меня так скучно!
Диной звали их кошку.

- Надеюсь, они не забудут в полдник налить ей молочка... Ах, Дина, милая, как жаль, что тебя со мной нет. Правда, мышек в воздухе нет, но зато мошек хоть отбавляй! Интересно, едят ли кошки мошек?

Тут Алиса почувствовала, что глаза у нее слипаются. Она сонно бормотала:

- Едят ли кошки мошек? Едят ли кошки мошек?

Иногда у нее получалось:

- Едят ли мошки кошек?

Алиса не знала ответа ни на первый, ни на второй вопрос, и потому ей было все равно, как их ни задать. Она чувствовала, что засыпает. Ей уже снилось, что она идет об руку с Диной и озабоченно спрашивает ее:

- Признаться, Дина, ты когда-нибудь ела мошек?

Тут раздался страшный треск. Алиса упала на кучу валежника и сухих листьев.

Она ничуть не ушиблась и быстро вскочила на ноги. Взглянула вверх - там было темно. Перед ней тянулся другой коридор, а в конце его мелькнул Белый Кролик. Нельзя было терять ни минуты, и Алиса помчалась за ним следом. Она слышала, как, исчезая за поворотом, Кролик произнес:

- Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!

Повернув за угол, Алиса ожидала тут же увидеть Кролика, но его нигде не было. А она очутилась в длинном низком зале, освещенном рядом ламп, свисавших с потолка.

Дверей в зале было множество, но все оказались заперты. Алиса попробовала открыть их - сначала с одной стороны, потом с другой, но, убедившись, что ни одна не поддается, она прошла по залу, с грустью соображая, как ей отсюда выбраться.

Вдруг она увидела стеклянный столик на трех ножках. На нем не было ничего, кроме крошечного золотого ключика. Алиса решила, что это ключ от одной из дверей, но увы! - то ли замочные скважины были слишком велики, то ли ключик слишком мал, только он не подошел ни к одной, как она ни старалась. Пройдясь по залу во второй раз, Алиса увидела занавеску, которую не заметила раньше, а за ней оказалась маленькая дверца дюймов в пятнадцать вышиной. Алиса вставила ключик в замочную скважину - и, к величайшей ее радости, он подошел!

Она открыла дверцу и увидела за ней нору, совсем узкую, не шире крысиной. Алиса встала на колени и заглянула в нее - в глубине виднелся сад удивительной красоты. Ах, как ей захотелось выбраться из темного зала и побродить между яркими цветочными клумбами и прохладными фонтанами! Но она не могла просунуть в нору даже голову.

- Если б моя голова и прошла, - подумала бедная Алиса, - что толку! Кому нужна голова без плечей? Ах, почему я не складываюсь, как подозрная труба! Если б я только знала, с чего начать, я бы, наверно, сумела.

Видишь ли, в тот день столько было всяких удивительных происшествий, что ничто не казалось ей теперь совсем не возможным.

Сидеть у маленькой дверцы не было никакого смысла, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь найти на нем другой ключ или на худой конец руководство к складыванию наподобие подозрной трубы. Однако на этот раз на столе оказался пузырек.

- Я совершенно уверена, что раньше его здесь не было! - сказала про себя Алиса.

К горлышку пузырька была привязана бумажка, а на бумажке крупными красивыми буквами было написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Это, конечно, было очень мило, но умненькая Алиса совсем не торопилась следовать совету.

- Прежде всего надо убедиться, что на этом пузырьке нигде нет пометки: «Яд!» - сказала она.

Видишь ли, она начиталась всяких прелестных историй о том, как дети сгорали живьем или попадали на съедение диким зверям, - и все эти неприятности происходили с ними потому, что они не желали соблюдать простейших правил, которым обучали их друзья: если слишком долго держать в руках раскаленную докрасна кочергу, в конце концов обожжешься; если поглубже полоснуть по пальцу ножом, из пальца обычно идет кровь; если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание. Последнее правило Алиса помнила твердо.

Однако на этом пузырьке никаких пометок не было, и Алиса рискнула отпить из него немного. Напиток был очень приятен на вкус - он чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом. Алиса выпила его до конца.

- Какое странное ощущение! - воскликнула Алиса. - Я, верно, складываюсь, как подозрная труба.

И не ошиблась - в ней сейчас было всего десять дюймов росту. Она подумала, что теперь легко пройдет сквозь дверцу в чудесный сад, и очень обрадовалась. Но сначала на всякий случай она немножко подождала - ей хотелось убедиться, что больше она не уменьшается. Это ее слегка тревожило.

- Если я и дальше буду так уменьшаться, - сказала она про себя, - я могу я вовсе исчезнуть. Сгорю как свечка! Интересно, какая я тогда буду?

И она постаралась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свеча потухнет. Насколько ей помнилось, такого она никогда не видала.

Подождав немного и убедившись, что больше ничего не происходит, она решила тотчас же выйти в сад. Бедняжка! Подойдя к дверце, она обнаружила, что забыла золотой ключик на столе, а вернувшись к столу, поняла, что ей теперь до него не дотянуться. Сквозь стекло она ясно видела снизу лежащий на столе ключик. Она попыталась взобраться на стол по стеклянной ножке, но ножка была очень скользкая. Устав от напрасных усилий, бедная Алиса села на пол и заплакала.

- Ну, хватит! - строго приказала она себе немного спустя. - Слезами горю не поможешь. Советую тебе сию же минуту перестать!

Она всегда давала себе хорошие советы, хоть следовала им нечасто. Порой же ругала себя так беспощадно, что глаза ее наполнялись слезами. А однажды она даже попыталась отшлепать себя по щекам за то, что схитрила, играя в одиночку партию в крокет. Эта глупышка очень любила притворяться двумя разными девочками сразу.

- Но сейчас это при всем желании невозможно! - подумала бедная Алиса. - Меня и на одну-то едва-едва хватает!

Тут она увидела под столом маленькую стеклянную коробочку. Алиса открыла ее - внутри был пирожок, на котором коринками было красиво написано: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

- Что ж, - сказала Алиса, - я так и сделаю. Если при этом я вырасту, я достану ключик, а если уменьшусь - пролезу под дверь. Мне бы только попасть в сад, а как - все равно!

Она откусила от пирожка и с тревогой подумала:

- Расту или уменьшаюсь? Расту или уменьшаюсь?

Руку Алиса при этом положила на макушку, чтобы чувствовать, что с ней происходит. Но, к величайшему ее удивлению, она не стала ни выше, ни ниже. Конечно, так всегда и бывает, когда ешь пирожки, но Алиса успела привыкнуть к тому, что вокруг происходит одно только удивительное; ей показалось скучно и глупо, что жизнь опять пошла по-обычному. Она откусила еще кусочек и вскоре съела весь пирожок

Вариант 2.

Разговор с ребенком, даже если он длится всего три минуты, может оказаться очень важным, ведь папа помогает ребенку сделать шаг во взрослении. Сможете ли вы найти слова, которые дойдут до ребенка и останутся у него в памяти?

От вас не требуется каких то особых выражений. Это должны быть очень простые, понятные даже ребенку слова. Важно, какие чувства вы в них вложите.

Далее мы разберем разные ситуации и попытаемся понять, какие слова и эмоции повлияют на отношения между отцом и ребенком. Ведь даже самые простые выражения могут воздействовать по разному.

Дети необязательно улавливают смысл головой. Часто они читают между строк, и чувствуют что то важное. И, на мой взгляд, это очень хорошо.

Фразы, которые мы сейчас разберем, станут своего рода «подпиткой души». Они сработают не за три минуты, а за три секунды. Если за короткое время обеспечить ребенка таким «питанием», то результаты не заставят себя ждать.

Даже если вы сильно заняты, стоит несколько раз в день сказать ребенку что то доброе и проникновенное, и тогда вы всегда будете жить в его душе.

Всем известно, что такое самооценка. Человек с высокой самооценкой является самым важным для себя в этом мире. Часто в похожем значении используется выражение «самоуважение».

Человека с такой самооценкой бесполезно поддразнивать, его это не тронет, ведь он знает, чего стоит. Его вряд ли можно сломить неудачей. «Я должен справиться», – говорит он себе и берется за любое дело.

Понимание собственной ценности эти люди распространяют и на других.

Самоуважение и самооценка являются фундаментом нашей души, позволяя смело идти по жизни, не сгибаясь перед незначительными испытаниями.

Такой человек в любой обстановке сможет найти свою дорогу, это его абсолютно бесценный капитал. Источник жизненной силы!

Последнее время в журналах по вопросам воспитания темой номера часто становятся вопросы воспитания детей в духе глобальных требований современности. В качестве необходимых условий называют знание английского языка, умение логически мыслить, обладать навыками общения. Но, честно говоря, ничто из всего этого ни в какое сравнение не идет с самооценкой или самоуважением.

На мой взгляд, если и правда есть какая то причина, по которой японцы не играют лидирующей роли на международной арене, то это отнюдь не слабое знание английского языка или нехватка логического мышления, а именно низкая самооценка.

Чтобы у детей была высокая самооценка, они должны купаться в родительской любви. С дисциплиной до трех лет можно повременить. Главное, чтобы детей безумно любили.

Если создать крепкий фундамент самоуважения, то потом воспитание и дисциплина не вызовут сложностей. А вот если заикнуться на правилах с самого раннего возраста, то при неокрепшей самооценке и неустойчивой психике это вряд ли даст хорошие результаты. Не зря говорят: «То, что получил до трех лет, пригодится до ста», только это не значит, что нужно приучать ребенка к дисциплине еще до трех лет. Дети, которых любили и ценили в этом возрасте, смогут любить и ценить себя до ста лет.

Как же можно показать ребенку свою любовь за короткое время? Для занятого папы это непросто.

Но вам не о чем беспокоиться.

Я приведу фразы, которые в простых, повседневных разговорах с ребенком смогут передать ему ваше отношение.

Как же я рад, что тебя вижу!

Можно сказать это утром, когда ребенок проснулся. А если покрепче обнять его, то будет еще лучше.

Ребенок почувствует, что есть на свете человек, который рад просто тому, что он проснулся, что он очень важен и папа его очень ценит.

Такая фраза в обычной жизни может показаться немного пафосной.

Но ведь по телевизору и в газетах каждый день появляются печальные новости о трагических происшествиях. Каждый день из-за болезней погибают дети. Вероятность неприятностей с каждым из нас отнюдь не нулевая. Нельзя гарантировать, что печальные события произойдут с кем угодно, только не с нами.

Мы появляемся на свет в результате удачного стечения обстоятельств. Благодаря цепочке различных счастливых событий мы живем и сегодня. Нельзя забывать о благодарности за это. И мы, и наши дети сегодня живы. Что может быть лучше?

Взгляните на человеческую историю и представьте, какой ничтожный процент людей мог сказать, что у него есть работа, есть пища, есть теплый дом для своей семьи.

Если бы мы родились в другую эпоху или в другой стране, то могли и не знать, чем прокормиться завтра и не будет ли нашей семье суждено умереть.

Когда ребенок просыпается утром в своей теплой и мягкой постели, смотрит на нас и беспечно говорит «доброе утро» – разве что нибудь сравнится с этим счастьем? Ради этого стоит жить.

Понимая это, скажите своему сыну или дочке: «Как я рад, что сегодня тебя вижу!»

Слушая это каждое утро, рано или поздно ребенок не просто почувствует, как его любят и ценят, но интуитивно осознает ценность жизни. И тогда он вырастет человеком с чувством благодарности.

Ты – папино сокровище!

Когда ребенок с криком «папа!» бросается вам на шею, не забудьте обнять его покрепче и произнести эти слова.

Такая фраза слишком банальна, когда вы пытаетесь очаровать женщину, но дети, в отличие от взрослых, воспринимают слова буквально. Ребенок почувствует, что он настоящая драгоценность для папы.

А если у вас несколько детей, то всем нужно сказать, что они папино сокровище.

Если вы будете часто говорить об этом, то когда в яслях или детском саду ребенка спросят, что самое ценное для него, он ответит – моя семья.

Так вы сможете вырастить человека, который ценит не вещи, а отношения между людьми.

Усталость как рукой сняло!

Посадите ребенка себе на колени и скажите это. Ребенок почувствует свою невероятную силу. А еще вы скажете ему, что сами по настоящему устали. Можно сказать это и жене и обнять ее.

Вы устали, но ребенок вряд ли отнесется к этому с пониманием и осознает, что у вас мало времени. Но задача заключается не в этом – он должен почувствовать, что вы очень старались на работе. Может быть, даже проникнется уважением и благодарностью.

Он увидит, что утомившийся на работе папа возвращается домой, крепко обнимает свою семью и вновь приходит в норму. Ребенок поймет, что любые неприятности и трудности можно преодолеть, если кого то обнять.

Когда у души есть тихая гавань, в которую всегда можно вернуться, человек не боится вызовов судьбы. Он вырастет сильным, и ему ничего не страшно.

Что бы ни произошло, я на твоей стороне!

Когда ребенок совершил промах или чем то расстроен, когда его отругали, попробуйте высказать эту фразу. Плохо поступать неправильно, но ребенок должен знать, что папа все равно в него верит и будет его поддерживать.

Эти слова говорят о вашем безусловном доверии ребенку.

Если он поймет, что его понимают, то вряд ли с легкостью предаст это доверие. И будет меньше ошибаться.

И наоборот, чем больше родители сомневаются в своих детях, тем больше они поступают вопреки их желаниям.

Благодаря тебе я стал папой!

Такую фразу можно приберечь для дня рождения.

Ребенок почувствует, что папа рад быть именно его отцом. У него повышается самооценка.

Разумеется, ребенок с самого начала относится к вам как к папе. На свете множество детей, безусловно считающих своих отцов самыми лучшими на свете.

Но если ребенок вдруг узнает, что это именно он сделал папу таким, он будет очень доволен. Он подсознательно почувствует себя не собственностью, принадлежащей папе и маме, а человеком, который сделал вас мамой и папой.

Даже когда ты вырастешь, я возьму тебя на ручки!

Я не рекомендую резко отдаляться от ребенка, когда вы решили, что ему пора взрослеть.

Если ребенок чувствует родительскую любовь, его принимают таким, какой он есть, и это чувство наполняет душу, то только тогда проклевываются ростки самостоятельности.

Если родители начнут до этого отстраняться от ребенка, то он все больше будет цепляться за родителей. А если родители, наоборот, пытаются через силу удержать ребенка возле себя, то он сам рано или поздно начнет отдаляться.

Пока ребенок рядом с нами, скажем: «Даже когда ты вырастешь, я возьму тебя на ручки». Со временем он поймет, что проситься на ручки, когда ты совсем большой, не очень то... и не захочет, чтобы его баловали. Ведь он становится большим.

Один знакомый ребенок заметил на перекрестке обычный дорожный знак «стоп» и спросил – а почему стоп?

Для взрослого это не очень понятный вопрос. Если не остановишься, то попадешь в опасную ситуацию.

Но ребенок сказал – а почему здесь приказ? Почему не говорят – остановитесь, пожалуйста. Разве не надо быть вежливым, когда о чем-то просят?

Дети обладают свежим взглядом и безграничным воображением. Их любопытство подстегивает желание добраться до истины, они готовы на выдумки, еще не сдерживаемые здравым смыслом.

И если родители не учитывают это и отвечают по-взрослому «так принято», «так должно быть», они не смогут уловить непосредственный взгляд или оригинальную идею. Не смогут стимулировать любопытство и творческую фантазию.

Окружающее глазами ребенка – это настоящий мир чудес. Общаясь с ним, постарайтесь не подавить его своим здравым смыслом.

И тогда ребенок не только будет расти и совершенствоваться, но и папа сможет вернуть гибкость своему мышлению.

Иногда дети задают невероятные вопросы, на которых нет и не бывает ответов. Почему море синее, когда на него смотришь издалека, а когда зачерпнешь ладошкой – прозрачное? Серьезный папа ответственно ищет ответы на такие вопросы.

Важная часть работы отцов – отвечать на вопросы почемучек. Но серьезно это делать очень сложно, иногда срываешься на «Просто так все устроено!». Поэтому не надо отвечать на все слишком обстоятельно.

Найти правильный ответ, разумеется, очень важно, но еще важнее, чтобы **ребенок не переставал задавать вопросы «что, почему, как сделано».**

Когда он задает неожиданный «детский» вопрос, то сначала похвалите его и скажите, что это интересный вопрос.

Даже если папа не сможет сразу найти ответ, ребенок будет рад похвале.

Дети – настоящие мастера обращать внимание на что-то совершенно не интересное взрослым. Например, смотри-ка, а французский и российский флаги очень похожи.

Жаль, если вы не обратите внимания на это. Обязательно похвалите его, отметьте, какой он наблюдательный.

Вариант 3.

Вам, возможно, интересно, что я делал у двери этого мужчины и что это был за «важный проект». Может, я практиковал новую маркетинговую стратегию? Может, я поспорил? Или участвовал в социальном эксперименте? Честно говоря, всего понемногу. Это была часть моего стодневного эксперимента, в ходе которого я надеялся побороть страх перед отказом. Благодаря нему я научился по-новому смотреть на бизнес и на людей, я во многом стал лучше. Я день ото дня нарочно сталкивался с отказом и со временем стал смотреть на отказ – и на весь мир вокруг себя – совсем иначе. Этот эксперимент изменил мою жизнь, и я надеюсь, что, читая о нем, вы измените и свою.

Но перед тем как я расскажу вам о том, что случилось затем, позвольте мне немного поведать вам о моем прошлом.

История началась 4 июля 2012 года. Солнце уже зашло. Тысячи людей собрались в нашем местном общественном парке и ждали начала фейерверка в честь Дня независимости. Моя жена Трэйси сидела рядом со мной на пледе и гладила себя по животу. Она была беременна нашим первым ребенком, уже на восьмом месяце беременности. Вокруг нас бегали дети, бросали фрисби, ели мороженое. Их родители доставали еду из корзин для пикника, чокались бутылками пива, отовсюду раздавался веселый смех. Все казались такими по-летнему счастливыми, радость наполняла каждого из нас.

Во многом моя жизнь представляла собой осуществившуюся «американскую мечту». Мне было всего тридцать, а у меня уже была очень хорошо оплачиваемая работа в одной из крупнейших компаний. У нас с Трэйси был огромный дом с видом на озеро. У нас даже был золотистый ретривер по кличке Джамбо – классическая собака для американцев, живущих в пригороде, – а через несколько недель должен был родиться наш сын. Помимо всего этого, у нас с женой были прекрасные отношения, и не прошел ни один день, чтобы я не подумал о том, как мне повезло быть любимым этой потрясающей женщиной. Другими словами, у меня не было причин не радоваться вместе со всеми. Но, по правде говоря, я был в глубокой депрессии. И моя депрессия была не личного характера, а профессионального.

Я родился и вырос в Пекине, столице Китая. Тогда каждого школьника учили, как стать примерным работником – элементом, делающим свой вклад в развитие государства. Но я никогда не мечтал быть примерным работником – будь то Китай или любая другая страна. С самого детства я хотел быть предпринимателем. Пока другие дети играли в видеоигры или гоняли мяч, я читал биографии Томаса Эдисона и основателя Panasonic Коносукэ Мацусита и стремился понять, как же стать великим инноватором. Когда мне было 14 лет, в Пекин впервые приехал Билл Гейтс. Меня настолько впечатлила история создания Microsoft, что я сорвал со стен моей комнаты всю спортивную атрибутику и сделал мою мечту о предпринимательстве целью всей жизни. Я поклялся себе, что стану следующим Биллом Гейтсом и изобрету потрясающий технологичный продукт, который всколыхнет весь мир. Я упрямился родителей купить мне новейший компьютер и стал учиться программированию. Я даже написал родителям письмо (которое храню и по сей день), в котором я обещаю им, что моя компания добьется такого успеха, что к 25 годам я куплю Microsoft. Меня влекла та по-голливудски сияющая Америка, а также тот факт, что в США живет Билл Гейтс. Я верил, что однажды переберусь в Америку, чтобы воплотить свою мечту.

Когда мне исполнилось 16, мне представилась возможность поехать в США как студенту по обмену и потом пойти там в колледж. Я не раздумывая согласился. Сказать, что этот переход оказался для меня сложным, – не сказать ничего. Мне предстояло преодолеть языковой и культурный барьеры, да и уезжать от любимой семьи было непросто. Моя ситуация осложнялась еще и тем, что весь первый год в Америке я провел в деревне в штате Луизиана, и сотрудники программы обмена, в которой я участвовал, не очень добросовестно проверили мою принимающую семью. Таким образом, моим первым «домом вдали от дома» оказался жутковатый дом, в котором жила семья преступников. Я узнал, что за год до моего приезда их старший сын был осужден за убийство и я спал как раз на его кровати. К тому же через два дня после моего приезда принимающие родители украли все деньги, что были у меня с собой.

Когда я мечтал о поездке в Америку, я точно не ожидал, что мне придется спать в кровати убийцы и что все мои деньги украдут. Я уехал от своих родных в Китае, где все так спокойно и безопасно, чтобы оказаться среди людей, которые немедленно потеряли мое доверие. Мне было страшно, и я не знал, что делать. Я рассказал о краже директору школы, который затем сообщил об этом в полицию. Моих принимающих родителей арестовали, а шокированные работники программы студенческого обмена передали меня другой семье. К счастью, на этот раз мне повезло. С этой семьей я смог выстроить отношения, основывающиеся на любви и доверии, познал духовную веру, а также понял, что в мире есть как хорошие, так и плохие люди и что они со мной никогда плохо не обойдутся.

Несмотря на не самое гладкое начало, я даже не думал забрасывать мечту о предпринимательстве. По правде говоря, я даже не допускал сомнения, что меня может ждать неудача. Мне казалось, что быть предпринимателем – мое предназначение, а не просто мой выбор. Эта цель настолько глубоко засела у меня в мозгу, что я навряд ли смог бы от нее избавиться, если бы захотел.

Я отучился год в американской старшей школе, затем еще полгода в Институте английского языка как второго, и мой английский стал намного лучше. Это было в январе 1999 года. Я уже был готов идти в колледж. Я все еще помню мой первый день в Университете Юты. Мне тогда было всего 17. Ночью накануне моего приезда всю ночь была снежная буря, и весь кампус университета был покрыт снегом. Я помню, как хрустел снег под ногами тем утром, когда я шел на первое занятие, оставляя за собой самые первые следы на свежем снегу. Я чувствовал, будто вся вселенная была моим чистым листом, я мог выбрать любой путь и стать новым великим приехавшим в Америку предпринимателем. Я был молод, энергичен и полон надежд. Ничто не казалось мне невыполнимым.

Первая возможность попробовать себя в роли предпринимателя представилась мне еще в колледже. В течение долгих лет я постоянно придумывал всякие крутые вещи, которые мог бы изобрести. Однажды я листал фотоальбом с детскими фотографиями и увидел фотографию себя на роликах. Я помню, какое счастье было кататься на роликах с друзьями. И тут я задумался о том, как классно было бы соединить кеды и колесики. Дети и взрослые могли бы просто идти по улице, а через мгновение катиться, словно асфальт превратился в огромный каток. Как было бы здорово!

Вдохновленный этой идеей, я взял блокнот и начал делать зарисовки кроссовок на колесиках. Я был в таком восторге, что даже сделал чертеж моего изобретения, чтобы потом его запатентовать. Работа заняла все выходные. Когда я закончил, мне казалось, будто я создал новую Мону Лизу.

Конечно, может, моя идея не изменила бы мир. Но придумка была моей, и она казалась мне очень классной. Это изобретение могло стать моим билетом в предпринимательский мир.

У меня был дядя в Сан-Диего, младший брат моего отца, и я всегда относился к нему с большим уважением. Мои родители всегда были достаточно мягкими, многое мне позволяли, а дядя был строгим и требовательным, и, как ни странно, мне всегда еще сильнее хотелось заслужить его одобрение. По правде говоря, в детстве я его даже боялся. Но я всегда знал, что он меня любил и желал моего успеха. После моего переезда в США мы с ним стали еще ближе, я стал воспринимать его как второго отца, я был готов назвать сына в его честь. Если он одобрял какую-то мою идею или выбор, мне всегда было спокойнее. Поэтому я послал ему копию моих зарисовок «кроссовок на роликах» в надежде, что он разделит мой энтузиазм и поддержит меня.

Представьте себе мое разочарование, когда вместо поддержки я получил лишь критику. Дядя сказал, что это глупая затея, и отругал меня за то, что я думал о таких небывлицах, когда мне стоило сконцентрироваться на учебе и моем английском.

Я был так подавлен, что засунул зарисовки подальше в ящик и никогда больше о них не вспоминал. Если родной дядя отверг мою идею, то уж всем остальным она и подавно не понравится, а я меньше всего хотел быть публично отвергнутым незнакомцами. Поэтому я сконцентрировался на учебе и продолжал заниматься английским. Чтобы расширить свой

лексикон, я каждый день по несколько часов учил слова со специальных карточек. Мне было необходимо получать отличные оценки, чтобы добиться похвалы моей семьи и особенно дяди. И я не просто хотел, чтобы они меня похвалили – я этого страстно желал. Я сам себя убедил, что сплошные пятерки и прекрасный словарный запас однажды помогут мне стать хорошим предпринимателем.

В некоторой мере мне и правда помогли мои оценки. Университет Бригама Янга предложил мне стипендию, так что я перевелся и доучился там. Но мне все равно казалось, будто я упустил что-то большее.

Два года спустя мужчина по имени Роджер Адамс запатентовал ту самую идею, от которой отказался я (кроссовки на колесиках), и основал компанию Heelys. В 2007 году сразу после того, как эта компания вышла на биржу, ее оценили почти в миллиард долларов. А мой чертеж все это время пылился в ящике комода. Печально то, что это не единственный чертеж, который там лежит. Мне в голову приходили десятки идей, которые, как мне казалось, обладали потенциалом и могли принести мне успех. Но вместо того, чтобы превращать их в реальность, я просто складывал их в стопку и закрывал ящик.

Конечно, нет никакой гарантии, что мои кроссовки на колесиках продавались бы так же хорошо, как и у Роджера Адамса, да и вообще неизвестно, стала бы хоть какая-то из моих идей фундаментом для успешной компании. Но я ни разу не дал им – и себе – ни единого шанса. Я отвергал свои собственные идеи еще до того, как их отвергнул бы весь мир. Мне казалось, что сдаться при первых признаках неудачи легче, чем делиться со всеми своими мыслями и принимать критику. Намного безопаснее было самому себя отвергнуть.

Но каждый раз, когда я видел, как дети в кроссовках от Heelys катаются в торговых центрах, на улицах, на игровых площадках, или когда я читал статьи о том, как Роджер Адамс превратил свое детское хобби в феномен современной культуры, я думал о том, чего мог бы добиться. Мне было очень обидно, что я не использовал ту возможность.

Я полагал, что после окончания колледжа с дипломом программиста я почувствую, что готов стать предпринимателем. Но получилось наоборот. Я по-прежнему ощущал давление семьи и общества, наверное, оно стало даже сильнее. Если раньше я старался заслужить похвалу хорошими оценками, то теперь мне хотелось, чтобы мной восхищались, а для этого мне нужна была стабильная карьера. Я не создал свою компанию ни в колледже, ни после него. Я брался то за одну, то за другую работу, пока не понял, что программирование – это не мое. Опасаясь, что, возможно, я выбрал не тот путь, я для страховки немного изменил направление движения: я снова пошел учиться, в этот раз в Университет Дьюка по программе MBA. Затем я устроился маркетологом в одну крупную компанию. Я надеялся, что восхищение, которое мне гарантирует диплом престижного университета, и более чем достойная зарплата подстегнут моего внутреннего предпринимателя. Как же я заблуждался.

В мой первый день на новой работе босс попросил меня написать короткий рассказ о себе. Я должен был ответить на несколько вопросов. «Чем бы вы занимались, если бы не устроились на работу к нам?» Даже не задумываясь, я ответил: «Стал бы предпринимателем». Затем компании было интересно узнать, «почему же я этим не занимаюсь». И тут я уже не знал, что сказать.

Время летит очень быстро, а со временем пропасть между тем человеком, каким ты себя видишь, и тем, каков ты есть, становится все больше. Я, можно сказать, продал свою мечту. Тот подросток, что шел по заснеженному кампусу университета, не стал следующим Биллом Гейтсом. Он превратился в менеджера по маркетингу, который преспокойно сидит на своей ступени карьерной лестницы и довольствуется стабильным доходом. Порой зависть друзей или гордость семьи на какое-то время давали мне ложное ощущение, что я добился, чего хотел. Но я неустанно чувствовал, что время ускользает, забирая с собой мои мечты и амбиции. Помню, однажды я пришел с работы, заперся в шкафу и проплакал там несколько часов.

Вариант 4

Сидя на траве в День независимости, я не мог избавиться от ощущения, что мои мечты о предпринимательстве были разрушены еще до того, как я попытался их осуществить. Если я не осмелился создать стартап в колледже, когда мне было 18, или в 22, когда я еще не был женат, или в 28, когда получил степень MBA, то как я, менеджер среднего звена, мог решиться на это в 30, за несколько недель до рождения моего первого ребенка? Отцовство накладывало на меня новую ответственность, и я думал, что поэтому мне придется навсегда отказаться от своей мечты.

В вышине раздался громкий взрыв, и яркие огни салюта осветили ночное небо. Я сидел на траве, думал о будущем и словно мог увидеть в небе всю свою последующую жизнь. Я по-прежнему буду успешно заниматься продажами, проводить тренинги для новых сотрудников, контролировать разные процессы. Мы с женой, возможно, заведем еще одного или двоих детей, они пойдут в школу, потом в колледж. Затем я увидел свои собственные похороны, на которых кто-то произносил трогательную, но избитую речь о том, каким я был верным и надежным. Речь была о простом славном парне, а не о предпринимателе, изменившем мир, которым я так мечтал стать.

Трэйси взглянула на меня. Она давно знала, что я очень переживал, и знала почему.

– Ты можешь купить еще одну машину или дом, получить повышение, но нельзя всю жизнь так страдать, – сказала она.

А затем моя жена – моя очень беременная жена – сказала кое-что потрясающее. Трэйси бросила мне вызов. Она сказала, чтобы я уволился и в течение полугода работал не покладая рук, чтобы создать свою компанию с нуля. Если к концу этого периода я не обзаведусь поддержкой инвесторов, то вернусь на прежнюю позицию в корпоративной системе.

При одной мысли о свободе и возможности воплощать свои мечты я почувствовал прилив адреналина. Но затем появился страх. Если я провалюсь, то никто не гарантирует, что я найду хотя бы приблизительно так же хорошо оплачиваемую работу, да и друзья будут смеяться надо мной. А еще я задумался о том, что подумают родители Трэйси.

Как и я, Трэйси родилась в Китае, и у ее родителей очень традиционные взгляды на работу и успех. Мой тесть, как и многие тести, поначалу скептически отнесся к парню, в которого влюбилась его дочь. Но затем Трэйси рассказала мне, что он был доволен тем, как я обеспечиваю семью. Что он подумает, если я уволюсь?

– С родителями я поговорю, не волнуйся. «А ты постарайся сделать все возможное и потом ни о чем не сожалей», — сказала она. За годы совместной жизни я уже много раз осознавал, что женился на по-настоящему мудрой женщине. И это был один из таких случаев.

Я очень долго мечтал о том дне, когда уволюсь и начну работать над своей компанией. Вот этот день наконец пришел, а я не знаю, как мне поступить. Может, мне стоит произнести пафосную прощальную речь перед всеми коллегами, как герой Тома Круза в фильме «Джерри Магуайер»? А может, стоит уйти драматично, как один бортпроводник авиакомпании JetBlue, который, уходя, съехал по эвакуационному трапу самолета?

Я не сделал ни одну из этих вещей, потому что в день, когда я заявил о своем уходе, 5 июля, я очень сильно переживал. Моя работа долгое время была моим гарантом безопасности. После увольнения пути обратно уже не будет. Я собирался с головой погрузиться в неизвестное. А еще я, как ни странно, волновался по поводу реакции моего босса. Видимо, мой страх перед отказом так глубоко засел во мне, что я боялся, что она откажется принять мое заявление об увольнении. Мне не хотелось ее расстраивать. Но я понимал, что придется. Так что я представил ящик комода, наполненный пыльными чертежами, собрал волю в кулак и пошел к ней в кабинет.

Я зашел и начал, запинаясь, произносить заготовленную речь о том, как я мечтаю стать предпринимателем.

– Если я не займусь этим сейчас, то не займусь уже никогда, – объяснял я, почти умоляя ее понять меня и не расстраиваться. Мои слова были лишь жалким подобием речи Джерри Магуайера.

Было видно, что моя начальница в шоке. Она пристально смотрела на меня, и казалось, что прошло уже несколько минут, а я все гадал, о чем она думает. Наверное, она считает, что я брежу, раз хочу уволиться с хорошей работы незадолго до рождения ребенка. Я не хотел, чтобы она плохо думала обо мне, иначе я переживал бы еще больше. Но я не знал, что сказать, так что я сидел и молча ерзал на стуле.

Наконец она прервала это молчание.

– Господи! – вскрикнула она. – Кто же теперь займется всеми твоими проектами? Мы только что перестали нанимать новых людей. Что мне теперь прикажешь делать?

Я боялся, что она мне откажет, но, очевидно, она думала совсем о другом. Вскоре я начал рассказывать о моем увольнении друзьям и каждый раз удивлялся моим собственным словам. Когда я объявил об этом на празднике по поводу предстоящего рождения нашего ребенка, повисло неловкое молчание. В такой тишине было бы слышно, как упала булавка, но на нашей вечеринке я услышал, как упала китайская палочка.

Через две недели после подачи заявления на увольнение я последний раз вышел из этого огромного офисного здания и попрощался со стабильной зарплатой, медицинской страховкой, пенсионным счетом и удобным кабинетом. Все эти удобства – и все отговорки, которые я использовал, чтобы не воплощать свою мечту, – становились все меньше в зеркале заднего вида. Я радовался долгожданной свободе и ощущал приятное волнение, но вместе с тем и страх. Через четыре дня Трэйси должна была родить нашего сына, Брайана.

«Черт возьми! Это происходит на самом деле. Лучше бы мне не облажаться», – думал я.

В мире не существует учебника «О том, как создать что-то крутое», но известно, что любой стартап начинается с задумки. Я некоторое время размышлял над одной идеей, которая была интереснее, чем кроссовки на колесиках. Я много думал о том, как и почему люди выполняют свои обещания. Мы часто что-то обещаем друзьям, членам семьи, коллегам. А что, если я создал бы приложение, которое давало бы людям баллы за каждое сдержанное обещание? Если сделать выполнение обещания похожим на игру, то людям, возможно, было бы проще держать свое слово и улучшать взаимоотношения, и при этом сохранялся бы элемент развлечения. Я обсуждал эту идею со многими друзьями, а также с несколькими предпринимателями, чье мнение мне очень дорого, и большинство из них меня поддерживали. Кто-то готов был часами обсуждать со мной эту задумку. Их реакция внушала мне уверенность, что я на верном пути и движусь к реализации моей мечты.

Еще в день моего увольнения я начал искать людей, которые помогли бы мне в создании приложения. А именно мне нужны были инженеры-программисты с опытом написания программ. Среди стартаперов-программистов я считался предпринимателем без технических навыков, то есть у меня были идея и опыт в бизнесе, но мне не хватало знания программирования, чтобы самому разрабатывать приложение. Поэтому я начал искать сотрудников, опрашивал знакомых, и когда спрашивать было больше некого, начал подходить к незнакомцам на различных встречах и даже на городских баскетбольных площадках. Там я тоже никого не нашел и решил зайти на сайт объявлений Craigslist и сайт деловых контактов LinkedIn.

К счастью, мои усилия не пропали даром. За несколько недель я собрал многонациональную команду очень толковых инженеров. Первого звали Вик, он доучивался в магистратуре на информатике, и у него уже было в кармане приглашение на работу в IBM. Вик мог воплотить любую мою задумку. Вторым был парень по имени Чен, кандидат информационных наук. Он специализировался на программировании алгоритмов, а в свободное от работы время любил почитать книги по архитектуре программного обеспечения. Затем я нашел Брэндона. Он жил в Юте и, можно сказать, был хакером. В старших классах он разрабатывал и продавал хакерское программное обеспечение. Он бросил колледж, когда созданная им компания на базе мобильного приложения стала приносить достаточно денег. Последним к нам присоединился Виджэй, инженер из Индии и по совместительству мой

бывший коллега. Мы с ним никогда не встречались, но я знал, что он отличный работник и классный программист.

Я очень гордился своей командой, и для меня было честью то, что они поверили в мою идею и решились вместе со мной воплощать ее в жизнь. В скором времени я арендовал офис в здании, специально созданном для предпринимателей в деловом районе Остина, и мы приступили к работе. Разработка приложения и сам бизнес были тяжелыми, из недели в неделю требовали очень много времени. Но я был по-настоящему счастлив.

Меня поражало то, как быстро команда умелых программистов может создать программное обеспечение. Очень скоро мы прошли пять фаз разработки продукта. Через три месяца у нас уже было интуитивно понятное и веселое веб-приложение и приложение для iPhone. Мы начали сами пользоваться приложением и удивились тому, как стремление вести счет своим обещаниям повысило нашу продуктивность. Конечно, ничего странного нет в том, что разработчикам нравится их собственное приложение. А вот заинтересовать новым приложением пользователей, особенно если учитывать огромное количество существующих приложений, представлялось совсем не такой простой задачей. Каждый день появляются тысячи новых приложений, и нам нужно было бороться за внимание потребителей с каждым из них. Тем не менее у нас, очевидно, была классная концепция. Может, она «выстрелит» не сразу, но я был уверен, что со временем у нас все получится.

Но нам были очень нужны деньги. Мы с Трэйси уже два года были женаты и за это время скопили немало. Я вложил большую часть наших сбережений в мое дело. Но постепенно росли затраты на персонал и эксплуатацию помещения, и средств стало не хватать. Если бы я продолжил вкладывать деньги, то моей семье пришлось бы затянуть пояса, а у нас совсем недавно родился ребенок. Трэйси дала мне полгода, и я должен был показать ей результат, чтобы оправдать все эти расходы.

Через четыре месяца с начала нашей работы стало казаться, что бог услышал мои молитвы. Нашим приложением заинтересовался внешний инвестор. Я несколько часов придумывал и расписывал нашу презентацию продукта. Мы бесчисленное количество раз отрепетировали ее, будто мы готовились к выступлению на каком-нибудь телешоу. После многочисленных прогонов презентация шла как по маслу (ну, по крайней мере, нам так казалось), и это не могло не радовать. А затем наступило ожидание – самое мучительное ожидание в моей жизни.

Уже не в первый раз мне приходилось ждать, пока кто-нибудь решит мою судьбу. Когда мне было 15, я долгие недели ждал, пока посольство США в Китае решит, давать мне визу или нет (в итоге дали). В 17 лет я ждал решения Университета Бригама Янга по поводу предоставления мне стипендии, которая позволила бы мне не брать кредит на обучение (ее мне тоже дали). Когда мне было 25, я ждал письма из Школы бизнеса Фукуа (и письмо я получил). В 28 я ждал ответа Трэйси на мое предложение руки и сердца, которое я сделал на глазах у четырехсот наших однокурсников (это было лучшее «да» в моей жизни). Все эти решения заставили меня немало понервничать, ведь от них зависела вся моя последующая жизнь. Однако по не понятной мне самой причине, пока я ждал решения об инвестировании денег в мой проект, я переживал в разы сильнее.

Я по-прежнему верил, что мне была уготована судьба стать прекрасным предпринимателем. Но на спасение моей мечты оставалось всего два месяца, а эти инвестиции были настоящим спасательным кругом. Я так сильно этого желал, что мне пять раз снилось, как инвестор соглашается вложиться в мой проект, и, просыпаясь, я каждый раз думал, что наша сделка удалась. Я отчетливо помню, как во сне брал в руку телефон, звонил жене и семье, чтобы поделиться радостной новостью.

Несколько дней спустя я был в ресторане на праздновании дня рождения одного моего друга, как вдруг почувствовал вибрацию телефона – пришло письмо от инвестора. У меня затряслись руки, и по телу разлилось неприятное чувство. Сообщение было очень коротким: инвестор нам отказал.

Вариант 5

В субботу, 22 октября 1977 года, начальник университетской полиции Джон Клеберг поместил территорию медицинского факультета Университета штата Огайо под усиленную охрану. Вооруженные полицейские на машинах и пешком патрулировали весь кампус, даже на крышах поставили вооруженное наблюдение. Женщин предупредили: не ходить поодиночке и, когда будут садиться в машину, обращать внимание на то, нет ли рядом мужчин.

Между семью и восемью утра уже второй раз за последние восемь дней в кампусе под дулом пистолета была похищена молодая женщина. Первой стала двадцатипятилетняя студентка факультета оптометрии, а второй – двадцатичетырехлетняя медсестра. Их обеих увезли за город, изнасиловали, заставили снять деньги по чековой книжке и ограбили.

В газетах появились составленные полицией субъективные портреты, в ответ поступили сотни телефонных звонков: люди сообщали имена, описывали внешность преступника – и все оказалось бесполезным. Ни серьезных зацепок, ни подозреваемых не появилось. Напряжение в университетском сообществе возрастало. Начальнику полиции Клебергу становилось все тяжелее, поскольку студенческие организации и группы активистов требовали поимки человека, которого газетчики и телерепортеры Огайо начали называть «насильником из кампуса».

Ответственным за розыск Клеберг назначил молодого руководителя следственного отдела Элиота Боксербаума. Этот человек, называвший себя либералом, начал работать в полиции в 70-м во время обучения в Университете штата Огайо – после того как кампус пришлось закрыть из-за студенческих волнений. Когда Элиот в том же году получил диплом, ему предложили работу в университетской полиции с условием, что он отрежет волосы и сбрит усы. Он подстригся, но расставаться с усами не пожелал. Но его взяли и несмотря на это.

По фотороботам и описаниям, составленным двумя жертвами, Боксербаум и Клеберг пришли к заключению, что преступления совершил один и тот же человек: белый американец с каштановыми волосами от двадцати трех до двадцати семи лет и весом от восьмидесяти до восьмидесяти четырех килограммов. Оба раза мужчина был одет в коричневую спортивную куртку, джинсы и белые кеды.

Кэрри Драер, первая жертва, запомнила перчатки и небольшой револьвер. Время от времени зрачки насильника прыгали из стороны в сторону – Кэрри знала, что это симптом заболевания под названием «нистагм». Мужчина приковал ее наручниками к внутренней ручке двери машины, увез за город в какое-то безлюдное место и там изнасиловал. После чего объявил: «Если пойдешь в полицию, внешность мою не описывай. Увижу что-нибудь такое в газетах – пришло за тобой кого-нибудь». И, чтобы подтвердить серьезность своих намерений, выписал несколько имен из ее записной книжки.

По словам Донны Уэст, невысокой полной медсестры, у нападавшего был пистолет. На руках она заметила какие-то масляные пятна, не похожие ни на обычную грязь, ни на смазку. В какой-то момент он назвался Филом. Много и грязно ругался. Из-за коричневых солнцезащитных очков глаз она не видела. Он также записал имена ее родственников и пригрозил, что, если она его опознает, ребята из «братства» накажут ее саму или кого-то из близких. Сама Донна, как и полицейские, подумала, что преступник хвастался принадлежностью к какой-нибудь террористической организации или мафии.

Клеберга и Боксербаума смутило лишь одно существенное различие в двух полученных описаниях. У первого мужчины были густые и аккуратно подстриженные усы. А у второго – лишь трехдневная щетина вместо бороды и никаких усов. Боксербаум лишь улыбнулся. «Полагаю, он сбрил их в промежутке между первым и вторым преступлением».

В среду 26 октября в три часа дня детектив Никки Миллер, руководитель отдела расследования половых преступлений Главного полицейского отделения в центре Коламбуса, вышла на работу во вторую смену. Она только что вернулась из двухнедельного отпуска, проведенного в Лас-Вегасе, после которого выглядела и чувствовала себя отдохнувшей – загар очень шел к ее карим глазам и золотисто-русым волосам, постриженным лесенкой. Детектив Грэмлих, дорабатывавший первую смену, сообщил ей, что отвез молодую женщину – жертву

изнасилования – в университетскую больницу. Он поведал коллеге те немногочисленные подробности, которые были ему известны, поскольку именно Никки Миллер предстояло вести это дело.

В тот же день около восьми утра возле своей квартиры, расположенной неподалеку от кампуса, была похищена Полли Ньютон, двадцатидесятилетняя студентка Университета штата Огайо. Она только успела припарковать голубой «Корвет» своего бойфренда, как ее тут же затолкали обратно и приказали ехать за город и остановиться в безлюдном месте, после чего изнасиловали. Потом напавший заставил ее вернуться в Коламбус, обналичить два чека и отвезти его обратно в кампус. Затем велел обналичить еще один чек, а позже аннулировать платеж и оставить деньги себе.

Будучи в отпуске, Никки Миллер не читала ничего о «насильнике из кампуса», не видела опубликованные субъективные портреты. Детективы, работавшие в первую смену, рассказали ей подробности.

«Особенности данного преступления, – писала Миллер в отчете, – аналогичны двум другим похищениям с изнасилованием... которыми занимается полиция Университета штата Огайо, поскольку они относятся к их юрисдикции».

Никки Миллер и ее партнеро офицер А. Дж. Бессел направились в университетскую больницу, чтобы побеседовать с Полли Ньютон, девушкой с золотисто-каштановыми волосами.

По словам Полли, похититель сообщил ей, что является «уэзерменом» [3 - «Уэзермены» («Синоптики») – леворадикальная боевая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 год. Была сформирована из радикального крыла движения «Студенты за демократическое общество», выступавшего против войны во Вьетнаме.], но, помимо этого, у него есть и «другое я» – бизнесмен, который ездит на «Мазерати». После того как Полли выписали из больницы, она согласилась отправиться с Миллер и Бесселом на поиски того места, куда ее вынудил ехать преступник. Однако стемнело, Полли запуталась и согласилась сделать еще одну попытку на следующее утро.

Бригада, выехавшая на место преступления, сняла отпечатки пальцев с ее машины. Было найдено три частичных отпечатка, но этого было достаточно для последующего сравнения с отпечатками подозреваемых.

Миллер и Бессел отвезли Полли в сыскное бюро, чтобы она поговорила с художником – для составления субъективного портрета. Затем Миллер попросила девушку просмотреть фотографии белых преступников, совершавших изнасилования. Та изучила три альбома с портретами, по сто штук в каждом, но безрезультатно. Полли бросила это занятие только в десять часов вечера, измученная семичасовыми попытками помочь следствию.

На следующее утро в десять пятнадцать детективы из утренней смены отдела по расследованию половых преступлений заехали за Полли Ньютон и отправились в округ Делавэр. При свете дня ей удалось найти дорогу до места преступления, где на берегу пруда обнаружилась гильза от девятимиллиметровой пули. Девушка сообщила детективам, что в этом месте ее похититель стрелял по пивным бутылкам, которые сам же бросал в воду.

К тому моменту как они вернулись в отделение, Никки Миллер только приехала на работу. Она усадила Полли в небольшую комнатку напротив стола секретаря в приемной и принесла ей еще один альбом с портретами преступников. Оставив Полли одну, она закрыла дверь.

Несколько минут спустя Элиот Боксербаум привез в сыскное бюро Донну Уэст, вторую жертву. Он хотел, чтобы и она просмотрела фотографии. Они с начальником полиции Клебергом решили оставить студентку про запас для «живого» опознания на случай, если суд не признает опознание по фотографии.

Никки Миллер усадила Донну Уэст за стол, стоявший в коридоре возле шкафа, и принесла ей три альбома с фотопортретами. «Боже мой, – удивилась девушка, – по улицам разгуливает так много насильников?» Пока Донна изучала их один за другим, Боксербаум с Миллер ждали неподалеку. Донна недовольно листала альбом. Она узнала одно лицо, но это оказался не изнасиловавший ее мужчина, а бывший одноклассник, которого она недавно

видела на улице. На обороте она прочла, что парень был арестован за непристойное обнажение. «Бог знает, на что способны люди», – пробормотала она.

Приблизительно на середине альбома Донна остановилась на портрете миловидного юноши с бакенбардами и унылым, но пристальным взглядом. Потом подскочила так, что стул чуть не упал. «Это он! Он! Точно!»

Миллер попросила Донну написать ее имя на обороте снимка, а потом по идентификационному номеру нашла его досье и выписала и имя подозреваемого: «Уильям С. Миллиган». Оказалось, что это старый портрет.

Затем Никки вложила эту фотографию ближе к концу альбома, который Полли Ньютон еще не просматривала. Потом они с Боксербаумом, детективом по фамилии Браш и офицером Бесселом пошли к девушке в комнату.

По мнению Никки Миллер, Полли наверняка догадалась, что они ждут, когда она опознает один из портретов в этом альбоме. Девушка неспешно листала страницы с фотокарточками, и где-то на середине альбома Миллер поймала себя на том, что очень напряжена. Если Полли укажет на тот же самый портрет, «насильник из кампуса» будет опознан.

Полли задержалась на снимке Миллигана, но вскоре стала листать дальше. Миллер ощутила, как напряглись ее плечи и руки. Через некоторое время Полли вернулась к молодому человеку с бакенбардами. «Вот он очень похож, – сказала она. – Но я не полностью уверена».

Боксербаум тоже сомневался, стоит ли выписывать ордер на арест Миллигана. Донна Уэст в своих показаниях не сомневалась, но это был снимок трехлетней давности. Следователю хотелось дождаться результатов дактилоскопической экспертизы. Детектив Браш отправился на первый этаж, в бюро идентификации преступников, чтобы сличить отпечатки пальцев Миллигана с найденными на машине Полли.

Такая задержка злила Никки Миллер. Ей казалось, что свидетельства против этого человека довольно веские, и она хотела его задержать. Но поскольку жертва, Полли Ньютон, сомневалась в своих показаниях, оставалось лишь ждать. Через два часа поступил отчет. Отпечатки правого указательного и безымянного пальцев, а также ладони, найденные на стекле с пассажирской стороны «Корвета», принадлежали Миллигану. Полное совпадение. Для суда этого будет достаточно.

Но Боксербаум и Клеберг все еще колебались. Для задержания подозреваемого им не хватало полной уверенности, так что они вызвали для сравнения отпечатков независимого эксперта.

Поскольку отпечатки пальцев Миллигана совпадали с отпечатками со стекла машины жертвы, Никки Миллер решила сразу же возбудить дело о похищении, ограблении и изнасиловании. Получить ордер на арест, задержать подозреваемого и привести в участок, после чего Полли сможет опознать его вживую.

Боксербаум придерживался мнения своего начальника, Клеберга, считавшего, что университетской полиции следует дождаться экспертной оценки. Это не должно было затянуться дольше чем на час-другой. Такие вещи лучше делать наверняка. В восемь вечера того же дня эксперт признал, что отпечатки принадлежат Миллигану.

«Хорошо, я возбуждаю дело по обвинению в похищении. По факту лишь это преступление совершено на территории кампуса, то есть в нашей юрисдикции. А изнасилование произошло в другом месте», – сказал Боксербаум. Он изучил сведения, поступившие из бюро идентификации: Уильям Стэнли Миллиган, 22 года, отбыл тюремное заключение, шесть месяцев назад условно освобожден из тюрьмы города Лебанон, штат Огайо. Последний зафиксированный адрес: 933 Спринг-стрит, Ланкастер, Огайо.

Миллер вызвала группу захвата, и она прибыли в ее отделение, чтобы составить план задержания преступника. Необходимо было выяснить, сколько человек проживает вместе с Миллиганом. По словам двух его жертв, Миллиган – террорист и гангстер, а при Полли он стрелял из пистолета. Полицией оставалось предполагать, что он вооружен и опасен.

Вариант 6

Может показаться странным начинать книгу о маркетинге отсылкой к трудам датского астронома XVI века, но погодите делать выводы... Многие современные ученые считают, что без работ Тихо Браге [1 - Браге Тихо (1546–1601) – датский астроном, астролог и алхимик эпохи Возрождения. Его работы по разработке астрономических инструментов и измерений местоположения звезд стали основой для будущих открытий. Прим. ред.] были бы невозможны достижения Кеплера [2 - Кеплер Иоганн (1571–1630) – немецкий астроном, математик, механик и оптик. Один из творцов астрономии нового времени. Открыл законы движения планет Солнечной системы. Прим. ред.] и Ньютона. Открытию законов физики, значительно продвинувших науку вперед, очень способствовало то, что Браге составил каталоги движения небесных тел. Астроном накопил массив эмпирических данных, на основании которых создал свою теорию его ученик Кеплер, а позже и Ньютон. Не заложи Браге эти основы, его последователи вполне могли бы прийти к иным, с виду правдоподобным, но ошибочным заключениям.

Довольно многие, в том числе и британский экономист Пол Ормерод, проводят эту аналогию, чтобы жестко покритиковать традиционную экономическую теорию. У них для этого достаточно оснований. Теория человеческой деятельности [3 - См. Людвиг фон Мизес], разработанная экономистами-неоклассиками, не основана на эмпирических данных о том, как люди принимают решения, или на исследованиях нейробиологов (ученых, исследующих работу мозга). В отличие от физики и астрономии, где к рождению гипотезы приводят многочисленные наблюдения, в экономике сначала формулируются похожие на правду предположения о том, как люди принимают экономические решения, а затем эти умозаключения экстраполируют на все остальные положения науки. Однако, какими бы стройными ни выглядели эти гипотезы, они оказались практически целиком ошибочными. Люди принимают решения, не будучи осведомленными и даже не сравнивая разные категории продуктов; они не изолированы от других людей, которые влияют на их решения (как и память о собственных прошлых поступках). И нельзя сказать, что предпочтения людей и их идеи относительно ценности продукта не зависят от того, что их окружает во время покупки. После осознания этих истин вы увидите, как начинают трещать по швам все математические основы традиционной экономической мысли.

Аналогичные претензии можно высказать и к (довольно невнятной) школе мысли, которая стоит за теорией маркетинга. Маркетинг редко пытается выдать себя за полноценную науку, но когда ему это удастся, эту науку никак нельзя назвать эмпирической. Как и в экономике, в маркетинге строятся предположения о том, что влияет на поведение людей, а затем на основе этого сочиняются «правила». Маркетинговые построения держатся на очень опасном заблуждении, будто люди точно знают, какие психические механизмы руководят их решениями и поступками, и могут их описать.

В своей книге Фил очень своевременно выпустил мощный залп обоснованной критики по такому перевернутому подходу. Хотя на первый взгляд эта книга относится к маркетингу, ее выводы распространяются на гораздо более широкие области. В ней критически рассматривается большой массив научных данных, объясняющих, почему люди принимают решения не так, как о том упрощенно говорят маркетинг и экономическая теория. Как в экономике упускались из виду разнообразные человеческие эмоции и состояния (например, сожаление, страх потери [4 - чувство, возникающее, когда человек стремится избежать потери сильнее, чем получить награду. Прим. пер.], стадный инстинкт, эффект обладания [5 - психологический эффект, заключающийся в том, что человек придает большую ценность одному и тому же предмету, если владеет им, чем если им не владеет. Прим. пер.]), так и в маркетинге не учитываются различные неосознаваемые составляющие процесса принятия решений (такие как воздействие контекста, размывание цели [6 - инстинктивная вера в то, что компания, программа или прибор, предназначенные для решения одной задачи, справляются с ней лучше, чем другая компания, программа или прибор, которые решают эту же задачу, но в числе других. Иными словами, вера в эффективность узкой специализации. Прим. пер.],

инерция развития, эффект обрамления). Вот почему эта книга с обилием примеров и цитат станет ценным источником знаний для маркетологов, работников рекламных агентств и СМИ, исследователей рынка, а также всех, кому важно понимать механизмы восприятия и мотивацию людей, то есть для политиков, торговцев, разработчиков продуктов, финансистов, юристов и предпринимателей любого типа. Я очень надеюсь, что последние тоже откроют для себя книгу, поскольку в их работе она может принести больше пользы, чем в области рекламы и маркетинга. Почему? Потому что, честно говоря, маркетологи не готовы воспринять новые идеи в области поведенческой психологии, которые по масштабу сопоставимы с революцией Коперника в астрономии. Мы уже видели, как они приняли работы Эренберга, Джонса [7 - Эренберг Рональд – американский экономист, один из авторов книги «Современная экономика труда. Теория и государственная политика» (Изд-во МГУ, 1996); Джонс Рональд – влиятельный американский экономист, профессор факультета экономики Рочестерского университета. Прим. ред.], Стивена Кинга и других, которые с эмпирическими данными в руках опровергали сложившиеся стереотипы: маркетологи делали заинтересованный вид, а потом возвращались к привычным методам работы. «Это очень интересно, Фил, но я еще не набрал запланированное на текущий месяц количество “лайков” в Facebook».

Как заметил американский писатель Эптон Синклер задолго до того, как концепция «страха потери» получила научное подтверждение: «Трудно убедить в чем-то человека, если его зарплата зависит от того, чтобы он этого не понимал».

Но не надо отчаиваться. Эта книга весьма необычна, поскольку в ней содержится не только богатый иллюстративный материал, но и рекомендации, как реагировать в описанных случаях. Это не просто новый взгляд на вселенную маркетинга, что само по себе ценно, но и практическое пособие.

Книга Фила Бардена вышла очень своевременно. Маркетологи прошлых поколений, такие как Дэвид Огилви, Билл Бернбах и Говард Госсидж, призывали подходить с интеллектуальной меркой к оценке поведения людей (Госсидж даже основал компанию Generalists, целью которой еще в 1960-х годах было согласовать маркетинг с наукой о человеческом поведении). Все успешные специалисты по прямому маркетингу, в том числе мой первый начальник, великолепный Дрэйтон Берд, тоже были первоклассными психологами-бихевиористами. Глубоко в душе все, кто успешен в маркетинге, давно понимают, что наработки психологии об индивидуальном и коллективном человеческом поведении попали в область маркетингового «слепого пятна».

Но говорить об этом без опоры на всеобъемлющую теорию, не пользуясь правильными терминами, можно только по-любительски поверхностно. Никто не получает повышение за пересмотр списка акционных продуктов, пусть это гораздо больше способствует увеличению продаж, чем многие часы приятных для самолюбия пафосных рассуждений о том, какой шрифт выбрать для последнего кадра телерекламы. У Дэвида Огилви даже есть правило, подчеркивающее важность малых задач: «Не бойся быть тривиальным». Однако теперь у нас появилась профессиональная лексика, чтобы говорить о важности подобных открытий. Теперь мы не «составляем список продуктов для купонов», а занимаемся «архитектурой выбора». То, что раньше было делом младших сотрудников, стало переходить в ведение директоров по маркетингу и даже совета директоров. Новая профессиональная лексика помогает переосмыслить рабочие подходы. Не правда ли, элегантно?

Двадцать пять лет своей жизни я провел на работе в Unilever, Diageo и T-Mobile, стараясь влиять на поведение покупателей так, чтобы они выбирали наши бренды и продукты. Пытаясь добиться этого, мы, маркетологи, собираем огромное количество информации и изощренных аналитических сводок о своих клиентах. В таких компаниях, как те, где трудился я, рабочие процессы строятся на основе многих лет коллективного опыта. От этих устоявшихся моделей зависит, как будут распределены многомиллионные инвестиции в разработку продуктов, инновации, коммуникации и развитие обслуживания клиентов. Однако истинные причины, по которым люди поступают так или иначе, до сих пор остаются тайной. Иначе провал продаж новинок не составлял бы 80–90 процентов, а затраты на рекламу были бы абсолютно эффективными.

Ничего подобного в маркетинговом мире не наблюдается. Иногда мои усилия увенчивались успехом, иногда нет. На основании личного опыта, знакомого многим маркетологам, я придумал собственную модель того, как люди принимают решения, и руководствовался ею. Я знал, что моя система далека от совершенства, но лучшей никто не предложил, хотя у каждого сотрудника были свои представления об этом, из-за чего в работе постоянно возникали обсуждения и споры, в результате которых каждый все равно поступал так, как считал нужным или как велел начальник.

Такое положение дел симптоматично и для отрасли в целом: в недавнем исследовании Fournaise Marketing Group говорится, что из 1200 опрошенных CEO [8 - Здесь и далее генеральный директор. Прим. ред.] в Северной Америке, Европе и Тихоокеанской части Азии 80 процентов считают, что маркетологи оторваны от реалий бизнеса и сосредоточены не на том, на чем следует. Если говорить точнее, то 70 процентов респондентов сказали, что маркетологи «слишком часто забывают, в чем на самом деле состоит их работа», а именно существенно повышать спрос на продукты. В данном исследовании было сделано заключение, что маркетологам пора уже начать оправдывать вложенные в них средства, если они хотят заслужить доверие директоров и управляющих советами компаний. Иначе они навсегда останутся людьми, занятыми, по словам топ-менеджмента, «маркетинговым ля-ля».

Отрезвляющая перспектива. Однако в руках маркетологов находится ключ к прибыльности компании – понимание клиента и преобразование его потребностей в привлекательный продукт. Как создатели брендов мы всегда знали, что помимо чистой функциональности в продуктах содержится некая нематериальная ценность. Мы называем это капиталом бренда, но не можем пока дать ему точное определение и «овеществить». Неудивительно, что многие директора считают маркетологов бесполезными и гораздо больше доверяют финансистам. Чтобы снять с себя ярлык болтунов и пустозвонов и завоевать доверие, нам нужно сделать капитал бренда овеществленным и исчисляемым, показав, что в нем нет ничего мистического. Только он позволяет назначать за наш продукт премиум-цену по сравнению с конкурирующими брендами. Покупатели платят по 2–3 доллара за чашку кофе в Starbucks, хотя и знают, что, если быть объективным, по цене двух таких порций они купят целую банку кофе в супермаркете. Значит, они покупают что-то еще, помимо напитка в стакане. Но что же? Как мозг воспринимает эту ценность? Короче говоря, как покупатель делает выбор?

Научный подход значительно обогащает любую сферу деятельности, хотя, надо отметить, модель мышления, которую мы применяем в маркетинге сегодня, возникла в 1970-х годах – почти полвека назад! С тех пор наука сильно продвинулась в понимании механизмов принятия решений. Следует обновить свои представления о поведении покупателей. У меня сложилось впечатление, что маркетологи все время перекладывают все эти научные «заморочки» на подручных рыночных аналитиков, от которых ожидают применения новейших технологий, таких как функциональная томография мозга. Но действительно ли нам нужно еще больше данных? И что делать, если новые технологии генерируют подобные результаты (что вполне оправданно, учитывая, что их валидизация происходит на основании существующих моделей и метрических значений)? Или если их результаты иные? Пока мы задаем одни и те же вопросы и не обновляем своих представлений о принятии решений покупателями, нам останутся недоступными содержащиеся в научных данных озарения. Маркетингу требуется сдвиг парадигмы, а не просто смена инструментария.

Почему я написал эту книгу? Потому что четыре года назад система моих убеждений сильно пошатнулась. Будучи вице-президентом департамента развития бренда в T-Mobile, я проводил бренд через изменения в архитектуре и позиционировании и столкнулся с совершенно иной моделью маркетинга, основанной на данных науки о выборе и принятии решений – последних результатах исследований в области нейробиологии, поведенческой экономики, когнитивной и социальной психологии. Я был ошеломлен, получив объяснение такого поведения покупателей, которое прежде заводило меня в тупик, но в то же время это раздражало, поскольку опровергало некоторые мои прежние базовые установки.

Вариант 7

Для начала имеет смысл разобраться, из каких вариантов мы выбираем. Если нам удастся понять, в чем суть возможных альтернатив, мы совершаем более удачный выбор. Когда же приходится принимать решения о зависимостях и навязчивом поведении, люди часто упрощают ситуацию и сводят ее к одному вопросу: делать или нет? Но, рассуждая так, мы упускаем из виду ключевой фактор принятия решения: нашу зависимость или навязчивое желание.

Навязчивое желание – локомотив любого зависимого поведения. Его нам сложнее всего контролировать. Решая выкурить сигарету, принять наркотик или еще раз поесть, человек стремится удовлетворить свое навязчивое желание. Например, курильщика тянет к сигарете – и вот он зажигает ее. В этот момент желание и удовлетворяется, и подкрепляется. Разумеется, удовлетворение наступает на время: скоро курильщик снова чувствует желание покурить и зажигает новую сигарету. Именно так устроена зависимость: вначале появляется желание сделать то, от чего у вас сформировалась зависимость, потом вы это делаете, за счет чего подкрепляете и усиливаете зависимость, – и так до бесконечности.

Если вы склонны переедать, вы уже давно одновременно и удовлетворяете, и подкрепляете свое навязчивое желание все время есть. Единственная разумная причина для еды – потребность организма в пище, которая часто (но не всегда!) проявляется в форме чувства голода.

Многие никогда не чувствуют настоящего голода, потому что привыкли удовлетворять навязчивое желание слишком часто. Чем больше у человека лишнего веса, тем реже он ест по причине голода. Чаще всего такие люди едят, чтобы удовлетворять навязчивое желание.

И тут мы подходим к обсуждению самой серьезной и распространенной ошибки, которую многие из нас совершают, когда стремятся взять под контроль свою зависимость: как правило, человек пытается бороться с зависимостью и навязчивым поведением за счет подавления желаний. Нам кажется, что если мы не будем чувствовать желания, то исчезнет необходимость его удовлетворять, – то есть вроде бы все под контролем. Курильщики, которые пытаются бросить, часто выбрасывают сигареты, перестают ходить туда, где много курящих, и даже встречаться с друзьями, которые курят. А люди, склонные к перееданию по вечерам, стараются чем-то себя занять: отправляются в кино, в магазин, работают допоздна – лишь бы отвлечься от навязчивого желания что-нибудь съесть.

Такая стратегия не приносит результата (вы наверняка и сами уже знаете). И все потому, что успех ставится в зависимость от вашей способности подавить навязчивое желание – а это невозможно сделать раз и навсегда. А главное – стратегия эта не помогает избавиться от зависимости. Как и в случае с любой проблемой, избегание не дает долгосрочного результата.

Например, приняв решение перестать есть шоколад, вы, возможно, некоторое время не будете чувствовать особой тяги к нему. И вы подумаете, что все получилось: вам удалось реализовать намерение! Но я утверждаю, что вы не добились максимального результата. Да вы и сами знаете: как только вам снова захочется шоколада, вы не устоите. Ведь вы так ничего и не сделали, чтобы избавиться от зависимости. Возможно, всякий раз, вспоминая о шоколаде и непреодолимом желании его съесть, вы начнете испытывать исключительно негативные эмоции – может, потому, что будете воспринимать это как проявление собственной слабости или признак того, что у вас что-то не то с биохимическими процессами. Навязчивое желание почти всегда воспринимается как то, чего нужно бояться, чему нужно сопротивляться и от чего необходимо избавиться.

Пока вы не начнете реагировать на собственные навязчивые желания более позитивно, ничего не выйдет. И не важно, насколько высокой будет ваша мотивация и даже как долго вы сможете продержаться. Вам может даже казаться, что вы научились себя контролировать, но на самом деле вы в этот период просто не очень хотите шоколада или вам временно удастся держать себя в руках. Рано или поздно ваше желание вас победит.

Давая себе твердое обещание не есть шоколада, сесть на диету или потреблять поменьше жареного, мы чаще всего действуем по одному и тому же сценарию: начинаем, но срываемся. Этому быстро находится объяснение: скажем, силы воли не хватает, или навязчивое желание оказывается таким сильным, что подавить его удастся лишь на время.

Возникает вопрос: готовы ли вы когда-нибудь, в каких-то обстоятельствах, признать наличие у вас навязчивого желания все время есть? Ведь, чтобы взять под контроль зависимость, нужно признать, что она существует. И только тогда вы сможете начать меняться. Это очень непросто, но только так можно рассчитывать на серьезный и, главное, долгосрочный результат.

Первый шаг на пути к преодолению зависимости и навязчивого желания все время есть – признать сам факт их существования. Серьезное отличие склонности к перееданию от других навязчивых желаний в том, что оно проявляется не так очевидно, как другие, и часто выглядит как необходимость в питании. Если человек хочет перестать курить, то все проще: ясно по крайней мере, что именно нужно. Люди, склонные к перееданию, прекрасно понимают, что у них сформировалась почти наркотическая зависимость от пищи, но они не могут вовсе перестать есть. Принимать пищу придется до конца жизни, и нужно научиться различать необходимость и зависимость.

Я думаю, что зависимость от еды – это желание есть что угодно, даже если вашему организму этого не нужно. И наша цель не в том, чтобы вообще избавиться от этой зависимости, а чтобы хотя бы научиться контролировать себя. Мы первым делом должны научиться осознавать момент, когда нас настигает желание есть то, что нам не нужно, а после этого развить способность потреблять такие продукты реже и в как можно меньшем объеме.

У навязчивого желания есть два аспекта. Первый связан с количеством: мы готовы съесть гораздо больше, чем нам на самом деле нужно, причем независимо от того, как это влияет на здоровье. Второй аспект – качество: мы хотим съесть именно что-нибудь вредное, чего нам есть не стоит.

Как мы договорились в главе 1 (#gl1), невозможно точно определить, что же такое пищевая зависимость. Это не значит, что ее не существует или ее нельзя контролировать. У многих явлений нельзя точно определить начало и конец: скажем, у горы, рассвета или щиколотки. Никто не укажет нам точку на ноге, где щиколотка переходит в ступню. Но это не значит, что щиколотки не существует и что невозможно ткнуть в нее пальцем и сказать: «Вот моя щиколотка».

Следуя той же логике, мы можем сказать, что еда без зависимости – это все, что мы едим, чтобы сохранять жизнеспособность и оставаться здоровыми, и от чего мы получаем удовольствие. Зависимое же пищевое поведение – это постоянное переедание. Можно утверждать, что у человека развилась пищевая зависимость, если он ест больше, чем ему требуется. Лишний вес также может указывать на то, что человек ест слишком много, хотя это и не необходимый признак: бывает, что людям удается оставаться стройными, но при этом потреблять много вредной еды, которая наносит серьезный вред здоровью.

Навязчивое поведение основано на обмане: вы готовы убедить себя в чем угодно, лишь бы съесть еще кусочек торта! Нам нужно найти способ установить, что мы страдаем от пищевой зависимости. Это поможет определить границы поведения, чтобы впредь держаться в их рамках.

Решение кроется в двух простых инструментах: интервалах и планах. Я расскажу вам, как они работают, а потом мы обсудим, как именно их использовать, чтобы контролировать переедание. Этот инструмент поможет вам замечать переедание между основными приемами пищи и прекратить перекусывать и перехватывать.

Вот как он используется. Закончив трапезу (не важно, основной это прием пищи или перекус), задайте интервал, в течение которого вы с этого момента ничего не съедите. Для начала пусть он составляет от часа до четырех.

Например, если вы закончили обедать в 13:30, задайте интервал до 16:30 и решите, что до этого времени вы ничего не станете есть. При этом вы не обязаны поесть точно в 16:30;

возможно, вы захотите подождать еще. Тогда задайте новый интервал. Если все же решите поесть, после этого установите новый интервал.

С помощью интервалов вы сможете контролировать свой пищевой режим. Непросто определить, съели ли вы больше, чем нужно вашему организму, но убедиться в том, что вам удалось не есть до 16:30, можно!

С помощью планов проще выявлять навязчивые желания, особенно в конце приема пищи. Этот инструмент поможет есть меньше, особенно если сейчас ваши порции слишком велики или вы регулярно перекусываете между основными приемами пищи.

Прежде чем начать есть, в идеале еще до того, как вы проглотите первый кусочек, решите, что именно и сколько вы намерены съесть: сколько порций, какого размера, сколько блюд и даже сколько добавок вы себе позволите в этот прием пищи.

Взвешивать еду не нужно, и не обязательно ставить перед собой все, что вы решили съесть. Суть в том, чтобы еще до начала еды сформировать мысленный образ того, что вы съедите, и как можно точнее. Возможно, еще дня три назад, когда вы покупали продукты, вы решили, что будете сегодня есть за обедом. Но гораздо важнее сформулировать план именно в тот момент, когда вы берете в руки вилку и нож.

Взять под контроль пищевую зависимость вы сможете, только когда вновь начнете испытывать навязчивое желание, то есть страшно захотите есть и вам будет сложно себя контролировать. Вы всегда полностью контролируете и планы, и интервалы. Эти инструменты помогут вам есть меньше; если ваша цель не в этом, не используйте их. Планы и интервалы позволят вам разглядеть свой избыточный аппетит – и только осознав его, вы сможете начать с ним бороться.

Конечно, рано или поздно вам захочется съесть что-нибудь не вовремя и в нарушение интервалов. И наверняка однажды вы вначале съедите все по плану, а потом пойдете за добавкой. Вот так проявляется пищевая зависимость. И именно в этот момент вы сможете начать радикально менять свои отношения с едой.

Взять под контроль пищевую зависимость вы сумеете, только когда вновь начнете испытывать навязчивое желание, то есть страшно захотите есть и вам будет сложно себя контролировать. Именно в этот момент вы имеете шанс, образно говоря, открыть дверь и выйти, и тогда все на самом деле начнет меняться. Вам придется выйти из зоны комфорта, но вы начнете учиться контролировать навязчивые желания. По-настоящему контролировать.

Я знаю, это может казаться вам нереалистичным. Я понимаю, что предлагаю нечто необычное, и ясно, что вы сомневаетесь. Просто сохраняйте открытый взгляд на вещи. Посмотрим, что это такое – бесконтрольное и навязчивое желание все время есть и как с ним справляться.

Ваше навязчивое желание часто проявляется как мысль, которая вдруг мелькает в голове: «Надо бы поесть!» Иногда попутно возникает ощущение срочности, как будто что-то съесть нужно сию же минуту. Но нередко все начинается с обычной мысли о еде, которую вы реализуете несколько часов спустя: скажем, после похода в магазин или вернувшись с работы.

Причина в том, что некоторые места, люди, мысли, настроение, дни недели или время дня, привычные дела или физические состояния ассоциируются у вас с едой. Всплывают воспоминания, причем здесь работает особый тип памяти, который активирует нашу системуощущения. Поэтому мы и ощущаем желание или аппетит, а не просто что-то вспоминаем. И именно поэтому такие ощущения часто связываются с определенными видами еды, особенно со сладостями, картошкой, мучными изделиями, продуктами с избыточным содержанием жира и соли.

Нередко желание съесть что-то определенное вызвано конкретным стимулом. Например, много лет назад у меня была привычка покупать шоколадку перед тем, как сесть в поезд. И с тех пор, как только я оказываюсь на вокзале или железнодорожной станции, я тут же думаю о том, что неплохо бы съесть шоколад, хотя я никогда не вспоминаю о нем в других обстоятельствах.

Вариант 8

Наступило начало XXVI столетия по христианскому летосчислению. Земная жизнь людей изменилась до неузнаваемости. Цветные расы совершенно слились с белыми, внося в их кровь ту стойкость, здоровье и долговечность, которой отличаются среди животных все гибриды и метисы. Войны навеки прекратились ещё с середины XX столетия, после ужасающих побоищ, в которых принял участие весь цивилизованный мир и которые обошлись в десятки миллионов человеческих жизней и в сотни миллиардов денежных расходов. Гений человека смягчил самые жестокие климаты, осушил болота, прорыл горы, соединил моря, превратил землю в пышный сад и в огромную мастерскую и удесятерил её производительность. Машина свела труд к четырём часам ежедневной и для всех обязательной работы. Исчезли пороки, процвели добродетели. По правде сказать... всё это было довольно скучно. Недаром же в середине тридцать второго столетия, после великого южно-африканского восстания, направленного против докучного общественного режима, всё человечество в каком-то радостно-пьяном безумии бросилось на путь войны, крови, заговоров, разврата и жестокого, неслыханного деспотизма, — бросилось и — бог весть, в который раз за долголетнюю историю нашей планеты — разрушило и обратило в прах и пепел все великие завоевания мировой культуры.

Всё мирное и сытое благополучие, предшествовавшее этому стихийному разгрому, пришло само собою, без крови и насилия. Земные властители молча и покорно уступили духу времени и сошли с своих тронов, чтобы раствориться в народе и принять участие в его созидательном труде. Они сами поняли, что обаяние их власти давно уже стало пустым словом. Недаром много столетий подряд их принцессы сбегали из дворцов с лакеями, обезьянками, поводырями, крупье, цыганами, тапёрами и бродячими фокусниками. И недаром же их принцы, великие герцоги, эрцгерцоги и просто герцоги закладывали наследственные скипетры в ссудных кассах, а тысячелетние короны клали к ногам коковок, а коковки делали из них украшения для своих фальшивых волос.

Но многие из их потомков — слепо, гордо, бесстрашно и, по-своему, трагически уверенные в божественности и неиссякаемости власти, почившей на них в силу наследственной преемственности, — отказались презрительно от общения с чернью и никогда не переставали считать себя повелителями и отцами народов. Они брезговали прибегнуть к самоубийству, которое по-прежнему считали унизительной слабостью для лиц королевских домов. Они ни за что не соглашались омрачить сияние своих старинных гербов недостойным браком. И их изнеженные, тонкие и белые руки никогда не запачкались физическим трудом — этим уделом рабов.

Тогда народное правительство, давно уничтожившее тюрьмы, наказания и насилие, построило для них в роскошном общественном парке большой, светлый и очень удобный дом, с общей гостиной, столовой и залой и с отдельными маленькими, но уютными комнатками. Пропитание же и одежда определены им от доброхотных даяний народа, и бывшие владыки безмолвно соглашались между собою — глядеть на эти маленькие подарки, как на законную дань вассалов. А для того чтобы прозябание венценосцев не было бесцельным, практичное правительство разрешает школьникам изучать историю прошлого на этих живых обломках старины.

И вот, собранные в одно место, предоставленные самим себе и своей бездеятельности, они медленно разрушаются телом и опускаются душою в общественной богадельне. Они ещё хранят в своей наружности отблеск бывшего величия. Их породистые лица, утончённые и облагороженные строгим подбором в течение сотен поколений, по-прежнему отличаются своими покатыми лбами, орлиными носами и крутыми подбородками, годными для медальных профилей. Их руки и ноги, как и раньше, малы и изящны. Их движения остались величественными, а улыбки очаровательными.

Но это только на народе, перед посетителями парка... Оставаясь одни, в стенах богадельни, они превращаются в сморщенных, кряхтящих, недужных старичков, завистливых, бранчивых, подозрительных и чёрствых. Они садятся вчетвером за винт — два короля и два великих герцога. И пока идёт сдача, они спокойны, вежливы и любезно предупредительны. Но

давнишнее взаимное раздражение, всегда накапливающееся между людьми, долго и поневоле живущими вместе, скупость, нервность и вспыльчивость скоро перессорили их. И король сардинский, отхаживая отыгранные трефы, изысканно-любезно замечает герцогу сен-бернардскому:

— Надеюсь, ваше величество, что вы не задержали, как в прошлую игру, одну трефу про запас?

А герцог отвечает на это с горечью:

— Лишь происки врагов и общее падение нравственности заставляют меня жить в одной клетке с такой старой мартышкой, как вы, Sir.

И все они отлично знают, что у дамы бубён оторван уголок, а у девятки пик на крапе чернильное пятно, и, входя в маленькую сделку со своей совестью, тайно пользуются этими наивными приметами.

Изредка, во время обеда, они, как индюки сквозь сон, ещё произносят веские фразы:

— Мой народ и моя армия...

— О, если бы вы знали, как обожали моего отца подданные... Они и до сих пор... Я могу вам дать прочитать письмо, полученное мною от моей партии... Не знаю только, куда я его девал...

— Да. И до меня дошли сведения, что у меня, в моих горах, идёт сильное брожение...

— Люди должны же когда-нибудь одуматься и возвратиться к законному порядку вещей...

Но никто этого бормотания не слышал, и никто, даже услышав, ему не верил. У них у всех, взятых вместе, остался лишь один верный подданный, убеждённый сторонник королевской власти — их глухой, полуослепший, почти столетний прислужник, бывший солдат.

Их мелочная, пустяковая жизнь вся переполнена сплетнями, интригами, взаимным подглядыванием и подслушиванием. Они засматривают друг другу в чашки и горшки, в столики, под одеяла и в грязное бельё, упрекают друг друга болезнями и старческим безобразием, и все завидуют графу Луарскому, супруга которого открыла мелочную лавочку поблизости от морского порта и, благодаря торговле, имеет возможность покупать сигары своему державному мужу.

Их сыновья и дочери ещё в отрочестве оставили их, чтобы утонуть, исчезнуть в народе. Но зато по праздникам принцев ещё навещают их жены и совсем уже дряхленькие матери, которым, как и всем женщинам, в обыкновенные дни преграждён доступ в «Дом королей». Они подбирают на улицах и на площадях все газетные и устные сплетни и ободряют своих старых детей несбыточными надеждами, вместе с ними слух мечтают о том, как они подымут в своей стране травосеяние и как нужно и важно для государства разведение чернослива, швейцарских роз, лимбургского сыра, спаржи и ангорских котов. После таких разговоров бедные старые короли видят во сне фейерверки, парады, знамёна, балы, торжественные выходы и ревушую от восторга толпу. А наутро многие из них после беспокойного сна принимают горькую воду, и вся богадельня от скуки следит за исходом лекарства.

И вот по-прежнему, как и тысячи лет тому назад, наступила весна. Что бы ни было — весна навсегда останется милым, радостным, светлым праздником, так же как остаётся её вечным спутником яйцо — символ бесконечности и плодотворности жизни.

В «Парке королей» распустились клейкие благоухающие тополевые почки, зазеленели газоны и сладостно и мощно запахло обнажённой, ещё мягкой зёмлей, совершающей снова великую тайну материнства. А сквозь ветви деревьев опять засмеялось старое чудесное голубое небо.

Венценосцы выползли из своих комнаток на воздух и тихо бродят по дорожкам парка, опираясь на костыли. Весна, которая так томно и властно зовёт куда-то молодые сердца, разбудила и в их старческой крови печальную и неясную тревогу. Но молодёжи, заполнявшей в эти светлые дни прекрасный парк, они казались ещё более далёкими, странными и чужими — подобными загробным выходцам.

Старый, совсем одинокий, бездетный и вдовый король трапезундский, величественный старец с коническим, уходящим назад лбом, с горбатым носом и серебряной бородой до пояса,

уселся на зелёной скамейке в самой дальней, уединенной аллее. Солнце и воздух пьяно разморили его тело и наполнили его душу тихой тоской. Точно сквозь сон слышал он знакомые фразы, которыми при виде его обменивались редкие прохожие:

— Это король трапезундский. Посмотри в национальном музее портрет его прапрадеда Карла Двадцать пятого, прозванного Неукротимым. Одно и то же лицо.

— Ты слышал о его предке Альфонсе Девятнадцатом? Он разорил всю страну в угоду французской актрисе, своей любовнице, и дошёл до того, что сам продавал шпионам иностранных держав планы своих укреплений.

— А Людовик Кровавый?.. Двадцать тысяч человек в одно утро были расстреляны у казарменных стен.

Но гордая душа отринутого народом владыки не содрогнулась и не съежилась от этого зловещего синодика. Да. Так и нужно было поступать его предкам. Не только королевские желания, но и прихоти должны быть священны для народов. И посягающий на Божественную власть — достоин смерти.

И вдруг он услышал над собою нежный детский голосок и поднял склонённую вниз белую голову.

— Милый дедушка. Отчего вы всегда такой скучный? Вас обижает кто-нибудь? Дедушка, позвольте вам подарить вот это сахарное яичко. Нельзя грустить в такой прелестный праздник. Вы поглядите, дедушка, здесь стёклышко, а за стёклышком барашек на травке. А когда вам надоест глядеть, вы можете это яичко скушать. Его можно есть, оно сахарное.

Король привлёк к себе эту добрую, совсем незнакомую ему, светловолосую и голубоглазую девочку и, глядя её голову дрожащею рукою, сказал с грустной улыбкой:

— Ах, дорогое моё дитя, милое дитя, у меня нет зубов, чтобы грызть сахар.

Теперь девочка, в свою очередь, погладила ручкой его жёсткую, морщинистую щеку и сказала тоненьким голоском:

— Ах, бедный, бедный дедушка. Какой же вы старенький, какой несчастенький... Тогда знаете что? У нас нет дедушки... Хотите быть нашим дедушкой? Вы умеете рассказывать сказки?

— Да, милое дитя. Чудесные старые сказки. Про железных людей, про верные сердца, про победы и кровавые праздники...

— Вот и славно. А я буду вас водить гулять, буду рвать для вас цветы и плести венки. Мы оба наденем по венку, и это будет очень красиво. Смотрите, вот у меня в руках цветы. Синенькие — это фиалки, а белые — подснежники. Я вам спою все песни, какие только знаю. Хорошо? Я буду делиться с вами конфетами...

И странно: король, которого не могли поколебать ни доводы книг, ни слова политиков, ни жестокие уроки жизни, ни история, вдруг сразу всей душой понял, как смешна и бесполезна была его упрямая вера в отошедшее. Нестерпимо захотелось ему семьи, ласки, ухода, детского лепета... И, целуя светлые волосы девочки, он сказал едва слышно:

— Я согласен, добрая девочка... я согласен. Я был так одинок во всю мою жизнь... Но как на это посмотрит твой папа...

Тогда девочка убежала и через минуту вернулась, ведя за руку высокого загорелого мужчину со спокойными и глубокими серыми глазами, который, низко опустив шляпу, произнёс:

— Если бы вы согласились, ваше величество, на то, о чём болтает моя девчурка, мы были бы бесконечно счастливы, ваше величество.

— Бросьте величество...— сказал старик, вставая со скамьи и просто и крепко пожимая руку гражданина.— Отныне моего величества больше не существует.

И они все вместе, втроём, вышли навсегда из «Парка королей». Но в воротах старик внезапно остановился, и обернувшиеся к нему спутники увидели, что по его белой бороде, как алмаз по серебру, бежит светлая слеза.

— Не думайте...— сказал старик дрожащим от волнения голосом,— не думайте, что я буду... уж вовсе для вас бесполезен... Я умею... я умею клеить прекрасные коробочки из разноцветного картона...

Вариант 9

Обычно холодные равнодушные звёзды сейчас мерцали мягко и приветливо. Казалось, они весело подмигивали, словно чему-то радуясь. Да, сегодня всё изменилось. Весь мир перевернулся с ног на голову.

Джереми Флинт с каким-то ранее не изведанным тёплым чувством перевёл взгляд на маленькую голубую планету, окружённую полупрозрачным атмосферным ореолом. В иллюминаторе комфортабельного межгалактического лайнера она казалась хрупкой и беззащитной на фоне чёрного космоса. Это была древняя колыбель человечества.

«Как давно я не был на Земле», — с грустью подумал Джереми.

Почти два столетия минуло с тех пор, когда он — тогда ещё двадцатилетний юноша, записался добровольцем в отряд энтузиастов, отправлявшихся покорять дикую природу недавно открытых планет на краю спиральной галактики в созвездии Волосы Вероники. Разрыв отношений с родственниками и разочарование в собственной любви послужили толчком, забросившим его так далеко от дома. Жизнь в окраинной колонии была нелёгкой, однако именно там он положил начало своей межгалактической финансовой империи. В одном из одиночных разведывательных походов Джереми случайно наткнулся на невероятно богатое месторождение природных алмазов. Он обнаружил его в лабиринте гор Судьбы на планете Тесса. Каким образом его пропустили геологоразведчики первой волны, так и осталось загадкой. Вернувшись на базу, Флинт никому ничего не сообщил. Набравшись терпения, он трудился до ломоты в поясице, собирая по крохам средства, необходимые на покупку участка в горах и приобретения лицензии на право разработки там полезных ископаемых, если таковые найдутся. Когда пришло время, Джереми за стандартную сумму оформил в межпланетном патентном бюро все полагающиеся документы и стал обладателем обширной и, как тогда всем казалось — абсолютно никчемной, горной территории.

Всего через десять лет «Арлетт Инкорпорейтед» стала известна практически во всей обитаемой части Вселенной. Свою будущую экономическую империю Флинт назвал в честь единственной девушки, которую когда-то любил. Как оказалось, он обладал фантастическим талантом финансиста и всегда точно знал когда, куда и сколько нужно вложить, чтобы наверняка получить прибыль. Корпорация разрасталась, поглощая мелких конкурентов и постепенно приобретая влияние во всех сферах экономики. В настоящее время Флинт мог бы позволить себе купить несколько звёздных систем, но это его абсолютно не интересовало.

С некоторых пор Джереми Флинт ощутил, что теряет интерес к жизни. Обладая невероятной экономической мощью, он финансировал весьма дорогостоящие научные изыскания собственной лаборатории геронтологии. Лучшие умы нескольких галактик работали над этой проблемой и добились определённых успехов. Свидетельством тому скоро должен был стать двухсотлетний юбилей самого Флинта. Пока ещё долголетие могли себе позволить лишь единицы. Но в будущем наука обещала сделать его более доступным.

Однако долголетие не было бессмертием, и мегамагнат всё же постепенно старел. В последнее десятилетие он почувствовал, что устал. Взглянув на свою жизнь отстранённым взглядом, Джереми неожиданно осознал, что не видит в ней смысла. За два столетия он так и не обзавёлся семьёй и детьми, а сейчас уже и не хотел — время ушло. Ему некому было передать то, что он создал за эти годы. Тогда Джереми попытался разыскать хоть каких-нибудь родственников. Но оказалось, что за два столетия дерево рода Флинтов усохло, и он остался один на всём белом свете. Уныние и тоска охватили Джереми, и он начал чахнуть. Известнейшие психологи пытались пробудить в нём интерес к жизни, но они были бессильны, впрочем, как и все остальные, кто пытался хоть как-то расшевелить старика.

Он угасал. Но неделю назад словно яркая вспышка озарила небосвод его жизни. С далёкой Земли пришло известие о том, что у него есть родственники — внуки его правнуков. Это известие ошеломило Джереми Флинта настолько, что он несколько дней ни с кем не разговаривал.

Оказывается, у Арлетт — его первой и единственной любви был от него ребёнок, а он об этом даже не подозревал. Вот по этой-то неизвестной ему линии и отыскиались совершенно

случайно очень далёкие потомки. О них было известно лишь то, что это мальчик и девочка, подобранные патрулём внешней косморазведки. Их нашли на краю астероидного поля Крабовидной туманности. Единственные их родственники — родители погибли, успев поместить новорожденных в спасательный модуль. Частная космическая яхта, к которой был приписан модуль, принадлежала семейной паре, являвшейся весьма отдалённой роднёй Джереми Флинта. Настолько дальней, что тогда никому и в голову не пришло сообщать ему об этом.

Теперь же, по прошествии десяти лет, когда мегамагнат пустился в поиски родственников, эта история всплыла. Но узнать имена мальчика и девочки не удалось. Все воспитанники земного Центра для малолетних детей, лишившихся родителей, начинали жизнь с «чистого листа». Им давали новые имена, а данные, предшествующие их появлению в центре, строго засекречивались, чтобы все были в абсолютно равных условиях. Получение доступа к этой информации мог одобрить лишь Трансгалактический наблюдательный совет.

Джереми Флинт решил отправиться на Землю и, во что бы то ни стало отыскать детей. Уже на подлёте к планете-прародительнице он связался по голографическому коммуникатору с ведущим экспертом Института человека — профессором Риши Кумаром.

Посреди каюты возникло трёхмерное изображение мужчины средних лет, облачённого в голубоватую тогу. Доброжелательно взглянув на вызывающего, он приветливо улыбнулся и произнёс:

— Приветствую вас, господин Флинт! Чем могу быть полезен?

— Профессор Кумар, мне нужно выяснить кое-что о воспитанниках земного Центра для малолетних детей, лишившихся родителей.

— А что конкретно?

— Мне нужна информация о том, кто из этих детей является моими родственниками.

Приветливая улыбка на губах профессора погасла и он осторожно возразил:

— Но вы же знаете, господин Флинт, что информация о воспитанниках закрыта.

— Меня это совершенно не интересует, — раздражённо бросил магнат. — Я хочу абсолютно точно знать, кто из них мой потомок.

— Определить, кто именно из воспитанников центра является вашим дальним родственником и возможным наследником, представляется весьма затруднительно...

— Что вы хотите этим сказать, — нахмурился Флинт. — Вы что, не можете провести анализы на степень родства путём сравнения ДНК? Ведь это очень просто.

— Ну, как сказать. Во-первых, для этого необходимо взять образцы ткани или крови у всех детей, так как анализ ДНК является сравнительным...

— Ну, так возьмите. Я оплачу все расходы с лихвой.

Профессор снисходительно улыбнулся и, неодобрительно покачав головой, продолжил:

— Во-вторых: Трансгалактический наблюдательный совет по делам несовершеннолетних никогда не даст разрешения на проведение подобного теста над всеми детьми центра, так как он нарушает святое право каждого человека на личную тайну происхождения.

Флинт от нетерпения даже слегка притопнул ногой и воскликнул:

— Но ведь это особый случай!

Профессор Кумар и бровью не повёл. Заложив руки за спину, он принялся расхаживать вперёд-назад, словно на лекции для студентов, на ходу разъясняя:

— Кроме того, особо не вдаваясь в специфику, хочу добавить, что количество совпадающей ДНК измеряется в усреднённых процентах. Скажем, ребёнок и родитель имеют пятьдесят процентов общего ДНК, дедушки и внуки — двадцать пять, двоюродные братья и сёстры, примерно, двенадцать процентов, а троюродные — меньше трёх. Ну, это так, грубо...

Старик протестующе поднял ладонь, прерывая лекцию генетика. Он в задумчивости наморщил лоб, затем неуверенно спросил:

— Значит, получается, что на каком-то этапе родство людей теряется вообще?

Профессор виновато развёл руками.

— Я не понимаю. Объясните, пожалуйста, — попросил Флинт.

— Ну... если сравнивать ДНК прадеда и правнука, то статистическая взаимосвязь со временем перестаёт быть линейной. С добавлением каждой новой степени родства она становится всё более неопределённой...

— Профессор, вы хотите убедить меня в том, что современная наука не может абсолютно точно определить родство?

Риши Кумар строго посмотрел на собеседника испытующим взглядом, обречённо вздохнул и признался:

— Послушайте, господин Флинт, в принципе уже на уровне семи поколений вклад некоторых из предков в генофонд падает до нуля. В генетическом смысле они уже даже не являются предками...

На секунду замешкавшись, словно от неловкости, он всё же выпалил:

— Да не всё ли вам равно, находятся в этом центре ваши весьма далёкие родственники или нет? Ведь вы никогда не общались с их предками и до сего дня даже не имели понятия об их существовании.

— Это моё дело, — раздражённо проворчал Джереми.

— Безусловно. Однако наблюдательный совет никогда не даст разрешение на взятие анализа у всех детей. Но, даже если бы такое произошло, всегда остаётся шанс на ошибку — ведь слишком много поколений сменило друг друга...

Старик в задумчивости опустил голову. Приняв его реакцию за замешательство, профессор язвительно ухмыльнулся и добавил:

— И в самом деле: какая вам разница? По факту все эти дети вам чужие, даже вероятные пра-пра-пра... какие-то там внуки. Я бы на вашем месте даже не задумывался.

— Уж позвольте мне самому решать, — вскинулся Флинт.

— Что ж, благодарю, что вы обратились за помощью в наш медицинский центр, — на лице профессора вновь расцвела дежурная улыбка. — Всегда рады помочь такому влиятельному и уважаемому человеку. Счёт за проведенную консультацию мы отошлём в ваше представительство на Земле...

— Да-да... свяжитесь с ними, оплата будет произведена незамедлительно. Всего доброго.

Профессор открыл, было, рот, собираясь ещё что-то сказать, но Джереми быстро нажал на сенсор, и голограмма погасла. Он снова повернулся к иллюминатору и принялся пристально вглядываться в маленький голубой шарик, подаривший Вселенной человека. В голове старика роились мысли, оттесняя друг друга. Он хмурился, покусывал губы, мял пальцы рук. Внезапно Джереми замер, его взор просветлел, и он спокойно произнёс:

— А ведь профессор и в самом деле прав: какая мне разница?

Широкая тропинка плавно скользила между стройными деревьями, кроны которых о чём-то перешёптывались высоко над головами двух мужчин, медленно идущих по дендропарку Центра для малолетних детей, лишившихся родителей. Из-за цветущих кустов жасмина доносились восторженные детские голоса, смех и шум искусственного водопада. Одним из собеседников был профессор Риши Кумар. Второй мужчина по имени Джонатан Пасториас оглянулся на шум голосов и мягко улыбнулся.

— Согласитесь, господин Кумар, — обратился он к собеседнику. — Мы с вами совершили во всех отношениях добрый и гуманный поступок, от которого выиграли абсолютно все. Спасибо вам за помощь.

— Рад, что смог быть полезен, — кивнул профессор. — Хотя, честно говоря, вначале я немного сомневался. Но меня привлекло несколько необычное название вашей компании: «Когда жизнь теряет смысл». Почему вы не рекламируете её?

— О, тогда бы это потеряло смысл, простите за каламбур, — ответил Пасториас. — Наша компания организована энтузиастами, главной целью которых является тайная помощь людям, разочаровавшимся в жизни. Мы помогаем им найти новую цель, наполнить жизнь смыслом.

Вариант 10

За триста с лишним миль от Чимборасо, за сто миль от снегов Котопаху, в самой глуши Эквадорских Анд, отрезанная от мира человеческого, лежит таинственная горная долина — Страна Слепых. Много лет назад долина эта была еще настолько открыта для мира, что люди все же могли страшными ущельями, по ледяным тропам проникать на ее плоские луга. И вот пришли туда люди — две-три семьи перуанских метисов, бежавших от жадности и тирании жестокого испанского наместника. Потом произошло страшное извержение Миндобамбы, когда семнадцать суток в Квито стояла ночь, и вода в Ягвачи превратилась в кипяток, и до самого Гуаякиля вся рыба, всплыв, перемерла. По тихоокеанским склонам шли обвалы, быстрое таяние и внезапные наводнения, и целый гребень древнего Арауканского хребта пополз, обрушился с громом и навсегда отрезал для исследователя путь в Страну Слепых. Но одного из тех первых поселенцев землетрясение захватило по эту сторону ущелья, и пришлось ему — хочешь не хочешь — забыть жену и ребенка, и всех друзей, и все свое добро, оставленное там в горах, и начать жизнь сызнова в низине. Он начал ее сызнова, но не было ему удачи, его постигла слепота, и умер он, сосланный в рудники. Но из его рассказов родилась легенда, которая в Андах живет и поныне.

Он рассказывал, почему отважился уйти из надежного приюта, куда еще ребенком его привезли привязанным к ламе между двух большущих тюков с пожитками. В долине, говорил он, было все, чего может желать человек: пресная вода, пастбища и ровный климат, склоны тучного чернозема, заросли кустарника, дающего вкусные плоды, а большой сосновый бор на одном из склонов высоко в горах задерживал лавины. С трех сторон серо-зеленые каменные утесы поднимали ввысь свои головы, покрытые снеговыми шапками. Но ледники не доходили сюда, протекая мимо по дальним склонам, и только время от времени скатывались на края долины большие глыбы льда. Там никогда не бывало ни дождя, ни снега, но бесчисленные родники позволяли провести орошение по всей долине и превратить ее в сплошное, богатое кормом пастбище. Поселенцам, что и говорить, жилось привольно. Их скот тучнел и множился. Одно только омрачало их счастье. Но и этого одного было довольно, чтобы отравить горечью их дни. Странная болезнь напала на них, поражая слепотой всех новорожденных, а иногда и детей постарше. И вот, чтобы найти отворотное средство от проклятия слепоты, человек с великим трудом и опасностями вернулся по ущелью в низину. В те времена люди в подобных случаях думали не о микробах и заразе, а только о грехах; и ему казалось, что причина напасти — небрежение к религии: среди поселенцев не было священника, и они не позаботились, придя в долину, тотчас воздвигнуть церковь. Он надумал построить в долине церковь, настоящую — недорогую, но красивую церковь. Ему нужны были мощи и разные другие предметы культа — священные реликвии, таинственные образки, листки с молитвами. В котомке у него лежал слиток местного серебра, происхождение которого он отказывался объяснить. Настойчиво — с настойчивостью неумелого лгуна — он твердил, что серебра в долине нет. По его словам, поселенцы, не нуждаясь в подобных ценностях, собрали там у себя все свои деньги и украшения и переплавили их в этот слиток, чтобы купить на него божью помощь от своей болезни. Я так и вижу его, молодого подслеповатого горца, как незадолго перед катастрофой он стоит, опаленный солнцем, исхудалый, взволнованный, незнакомый с нравами жителей низины, и, лихорадочно комкая шляпу, рассказывает свою историю какому-нибудь остроглазому, жадно слушающему священнику. Представляю себе, как поспешил он потом домой с чудотворными средствами против их беды, и в каком безграничном отчаянии он стоял перед нагромождением скал, возникшим на том месте, где еще недавно был вход в ущелье. Но история его дальнейших злоключений для меня потеряна. Знаю только о его недоброй смерти через несколько лет. Жалким скитальцем пошел он прочь от места обвала. Ручей, некогда проложивший в скалах то ущелье, теперь выбивается из жерла горной пещеры, а предание, порожденное скупым, бессвязным рассказом пришельца, выросло в легенду о слепом народе где-то «там за горами», которую можно услышать и сегодня.

А среди малочисленного населения отрезанной с тех пор и забытой долины болезнь шла своим ходом. Старики, полуослепшие, двигались ощупью, молодые видели смутно, дети

же, рождавшиеся у них, не видели вовсе. Но жизнь была легка в этой отгороженной снегами, потерянной для остального мира котловине, где не было ни шипов, ни колючек, ни вредных насекомых и не было других животных, кроме смиренных лам, которых жители привели с собой, перегнали через крутые перевалы, протащили по руслам зажатых ущельями рек. Зрение меркло так постепенно, что люди едва замечали его утрату. Незрячих детей водили туда и сюда по долине, пока они не ознакомились с ней в совершенстве, и когда зрение среди них угасло окончательно, люди все же продолжали жить. Они успели даже приспособиться в слепоте к употреблению огня, который старательно разводился в каменных очагах. Поначалу это было первобытное племя, не знавшее грамоты, лишь слегка затронутое испанской культурой, но сохранившее притом некоторые традиции искусства и ремесел древнего Перу да кое-что от его ныне утраченной философии. Поколение сменялось поколением. Они многое забыли, многое изобрели. Предание о широком мире, откуда они пришли, приобрело для них туманную окраску мифа. Во всем, кроме зрения, они были сильными, способными людьми, и волей случая и наследственности среди них родился человек, обладавший самобытным умом и даром убеждения, а за этим и еще один. Оба оставили по себе след. Маленькая община росла численно и духовно, разрешая встававшие перед нею по мере ее роста социальные и экономические задачи. Поколение сменялось поколением, поколение поколением. Настал час, когда в пятнадцатом поколении родился на свет младенец, явившийся прямым потомком того человека, который ушел из долины со слитком серебра искать помощи у бога и не вернулся. И тут случилось, что явился в общину человек из внешнего мира. Об этом-то человеке и пойдет рассказ.

Он был уроженец горной страны по соседству с Квито, человек, ходивший в море и повидавший свет, по-своему начитанный, ловкий, предприимчивый. Группа англичан, приехавшая в Эквадор лазать по горам, взяла его взамен одного из трех своих проводников-швейцарцев, который заболел. Он лазал с ними повсюду, но при попытке взойти на Параскотопетл — Маттергорн Анд — исчез и считался погибшим. Этот случай описывался уже не раз. Лучше всех излагает его Пойнтер. Он рассказывает, как их небольшая партия одолела тяжелый, почти вертикальный подъем до подножия последней, самой неприступной кручи; как они на ночь собрали шалаш в снегу на узкой площадке уступа, и дальше с подлинно драматической силой передает, как вскоре они обнаружили, что Нуньеса нет. Они кричали, но ответа не было; кричали и свистели и больше не спали в ту ночь.

Когда рассвело, они увидели следы его падения. Наверное, он и вскрикнуть не успел. Он сорвался с восточного, неисследованного, склона горы. С большой высоты он свалился на крутой снежный откос и пробороzdил по нему колею, катясь со снежным обвалом. Борозда вела прямо к краю стремнины, а там все уже терялось в бездне. Далеко-далеко внизу виднелись сквозь туман деревья, росшие в узкой, зажатой между гор долине — утерянной Стране Слепых. Но путешественники не могли знать, что то была утерянная для людей Страна Слепых, не могли отличить ее от любой узкой горной долины. Потрясенные несчастьем, они не решились в тот день завершить восхождение, а после Пойнтер был призван на войну, так и не успев повторить попытку. До сего дня Параскотопетл вздымает свой непокоренный гребень и шалаш Пойнтера, никем не навещаемый, ветшает в снегах.

А упавший остался жив.

От края склона он пролетел вниз тысячу футов и в снежном облаке упал на снежный склон, еще более крутой, чем верхний. Он кубарем катился вниз по этому склону, оглушенный и без чувств, но ни одна кость в его теле не была повреждена. Дальше пошли более отлогие склоны, и по ним он скатился до самого конца и лежал, погребенный в мягких белых сугробах, сорвавшихся с ним вместе и спасших его. Когда он очнулся, у него было смутное ощущение, будто он лежит больной в кровати; потом с сообразительностью горца он осознал свое положение и начал разгребать снег вокруг себя. Он отдыхал и опять принимался за работу, пока не увидел звезды. Лежа навзничь, он спрашивал себя, где он и что с ним случилось. Он ощупал себя всего и обнаружил, что на одежде у него не хватает многих пуговиц, а куртка завернулась ему на голову. В кармане не оказалось ножа, и шапка пропала, хотя была завязана

под подбородком. Он вспомнил, что пошел поискать камней, чтобы поднять повыше стены шалаша. Его топорик исчез.

Он понял, что упал, и, подняв глаза, проследил головокружительный путь своего падения, показавшийся еще страшнее в призрачном свете восходящего месяца. Какое-то время он тупо глядел на белесый вздымавшийся перед ним утес, что с каждой минутой вырастал все выше из отступающей, как морской отлив, темноты. Очарованный фантастической, таинственной красотой зрелища, он лежал притихший. Потом забился в припадке рыданий и смеха.

Прошло немало времени, когда он увидел, что лежит у нижней границы снегов. Пробежав взглядом по отлогому откосу, залитому лунным светом, он различил как будто темную, усеянную валунами луговину. Превозмогая боль во всех суставах, он принудил себя встать на ноги; пробился кое-как сквозь сугробы рыхлого снега и долго потом спускался вниз, пока не вышел на ту луговину. Здесь он лег, или скорее упал, у валуна, жадно глотнул из фляги, сохранившейся во внутреннем кармане, и сразу заснул.

Его разбудило пение птиц на деревьях далеко внизу.

Он привстал и увидел, что находится на небольшом пригорке у подножия высоченной кручи, прорезанной ложбиной, по которой он скатился сюда в своем сугробе. Напротив уходила в небо другая такая же стена. Ущелье между обеими кручами тянулось на запад и восток и было залито утренним светом, который озарил на западе громаду рухнувшей горы, закрывшей вход в ущелье. Внизу под ногами открывалась пропасть, но в ложбине, пониже границы снегов, Нуньес нашел тесную расселину, где по стенам струилась вода. Что ж, нужно отважиться! Спуск оказался легче, чем можно было ожидать, и вывел на другой одинокий пригорок; а дальше, за скалистым кряжем, начинался поросший лесом склон. Нуньес осмотрелся и решил пойти вверх по ущелью, так как увидел, что там оно расширяется, переходя в зеленую луговину, посреди которой он теперь ясно различал скопление каменных хибарок необычного вида. Местами приходилось ползти по обрыву на четвереньках. Через некоторое время восходившее солнце перестало бить в ущелье, птичий щебет умолк, и воздух вокруг стал холоден и темен. Зато далекая луговина со своими домиками становилась все светлей. Он взобрался на утес и заметил среди скал — так как был наблюдателен — папоротник невиданной породы, который как бы протягивал из щелей цепкие ярко-зеленые руки. Он сорвал несколько листьев, пожевал их черешки и решил, что они съедобны.

К полудню он выбрался наконец из ущелья на луговину и солнечный свет. Тело одеревенело от усталости. Он сел в тени утеса, наполнил флягу водой из родника, выпил все до капли и лег отдохнуть, перед тем как двинуться дальше, к домам.

Вид у них был странный, да и вся долина, чем дальше он на нее смотрел, тем она ему казалась удивительней. Большую часть ее занимал сочный, зеленый луг, точно звездами, усыпанный красивыми цветами и обводненный с редкой заботливостью; покосы, видимо, производились здесь планомерно по участкам. Вверху долину огораживали стена и что-то очень похожее на окружной оросительный канал, от которого по лугу разбегались питающие растительность ручейки, а за каналом, выше по склонам, щипали скудную траву стада лам. Здесь и там к стене лепились навесы, как видно, служившие кровом или же местом кормежки для тех же лам. Оросительные ручьи стекались к главному каналу в середине долины, обнесенному с обеих сторон оградой по пояс вышиной, что придавало глухому поселку странно городской вид, и это впечатление еще усиливалось оттого, что во все концы в строгом порядке расходилось множество мощенных черным и белым камнем дорожек, и вдоль каждой дорожки тянулась еще какая-то забавная закраина. Дома в деревне не жались в кучу, как в знакомых ему горных деревнях, — они выстроились двумя сплошными рядами по обеим сторонам центральной улицы, на диво чистой; тут и там их пестрые фасады прорезала дверь, но не видно было ни одного окна. Фасады были пестры какой-то беспорядочной пестротой — обмазаны цементом, где серым, где бурым, где аспидно-черным или исчерна-коричневым. Эта нелепая обмазка и вызвала у Нуньеса впервые мысль о слепоте. «Ну и наляпал человек! — подумал он. — Верно, был слеп, как летучая мышь».

Вариант 11

Карсон открыл глаза и увидел над собой тускло мерцающую голубизну.

Было жарко. Он лежал на песке. Ему в спину впивался торчавший из песка острый камень. Карсон повернулся на бок, потом сел, упираясь руками в песок.

"Я сошел с ума, - подумал он. - Или умер. Или еще что-нибудь..."

Песок был голубым. Ярко-голубым. А голубого песка нет ни на Земле, ни на одной из планет.

Голубой песок.

Голубой песок под голубым куполом - ни небом, ни потолком, а какой-то замкнутой поверхностью. Карсон почему-то знал, что она замкнута и конечна, хотя и не мог этого видеть.

Он набрал горсть песка, который заструился между его пальцами. Струйки защекотали его голую ногу.

Голую? Он был абсолютно обнажен, и его тело уже покрылось обильным потом от расслабляющего жара и тоже стало голубым там, где к нему прилип песок.

Но в остальных местах оно было белым. "Значит, этот песок на самом деле голубой, - подумал он. - Если бы он только казался голубым в голубом свете, то и я был бы голубой. Но я белый - значит, песок голубой. Голубой песок. Голубого песка не бывает. И такого места не бывает, как это".

Пот стекал ему в глаза. Было жарко, как в аду. Только ад должен быть докрасна раскаленным, а не голубым.

Но если это не ад, то что это? Из всех планет такой горячий только Меркурий, но это не Меркурий. И потом, Меркурий остался примерно в четырех миллиардах миль позади от...

И тут он вспомнил, где он был только что. В маленьком одноместном космолете, несшем патрульную службу за орбитой Плутона, в миллионе миль от фланга земной армады, построившейся в боевой порядок, чтобы встретить Пришельцев.

Он вспомнил тот внезапный, резкий, тревожный звонок, когда следящие системы зарегистрировали приближение врага...

Никто не знал, кто такие Пришельцы, как они выглядят, из какой далекой галактики они пришли, - знали только, что она где-то в направлении Плеяд.

Первые разрозненные налеты на дальние колонии и опорные пункты Земли. Отдельные стычки между земными патрулями и небольшими группами космических кораблей Пришельцев; стычки, в которых земляне иногда побеждали, иногда терпели поражение, но до сих пор ни разу не смогли захватить космолет противника. Не осталось в живых и ни одного жителя подвергавшихся налетам колоний - рассказать хоть что-нибудь о Пришельцах было некому.

Сначала угроза казалась не очень серьезной - налеты были немногочисленными и приносили не так уж много ущерба. Их космолеты как будто слегка уступали земным в вооружении, хотя чуть-чуть превосходили их в скорости и маневренности. Как раз настолько, что Пришельцы, если только они не были окружены, могли выбирать - вступить им в бой или скрыться.

И все-таки Земля готовилась к решительному сражению. Был построен небывало могучий космический флот. Ждать пришлось долго. Но теперь генеральное сражение приближалось.

Разведчики обнаружили огромный флот Пришельцев в двадцати миллиардах миль от Земли. Эти разведчики так и не вернулись, но их сообщения были получены. И вот земная армада, все десять тысяч космолетов и полмиллиона космонавтов, расположилась в ожидании за орбитой Плутона, готовая сражаться насмерть.

Битва предстояла на равных - об этом можно было судить по рапортам передовых патрулей; которые пожертвовали жизнью, но перед тем, как погибнуть, передали данные о численности и силе флота противника.

При равенстве сил судьбу Солнечной системы могла решить ничтожнейшая случайность. И решение было бы окончательным - в случае поражения Земля и все ее колонии оказались бы в полной власти Пришельцев...

О да, теперь Боб Карсон все вспомнил.

Правда, это не имело отношения к голубому песку и мерцающей голубизне над головой. Но он помнил, как прозвучал этот резкий звонок тревоги, как он бросился к панели управления, как в лихорадочной спешке пристегнулся к креслу, как перед ним на экране росла светлая точка.

Как у него пересохло горло. Как он с ужасом понял - началось! Для него, по крайней мере: основные силы сражающихся были еще вне пределов досягаемости друг для друга.

Меньше чем через три секунды он или останется победителем, или превратится в горстку пепла. Три секунды - столько длится бой в космосе. За это время можно не спеша сосчитать до трех, а после этого ты или победишь, или будешь мертв. Одного попадания вполне достаточно для маленького, одноместного, легко вооруженного и слабо бронированного патрульного космолета.

Машинально шепча пересохшими губами "Раз!", он лихорадочно крутил ручки на пульте, чтобы растущая точка оставалась в перекрестье линий на экране. Правая нога его замерла над педалью спуска. Единственный смертоносный залп - или он попадет, или нет. Для второго выстрела времени уже не останется.

"Два". Он снова не слышал, как у него это вырывалось. Точка на экране перестала быть точкой. Расположенный в нескольких тысячах миль вражеский космолет был виден так, как будто до него несколько сотен метров. Это был легкий, быстрый патрульный космолет почти такого же размера, как и у Боба.

Вражеский патрульный космолет.

"Тр..." Его нога коснулась педали...

И вдруг Пришелец скользнул по экрану в сторону и вышел из перекрестья. Карсон схватился за ручки, чтобы пуститься в погоню. Какую-то долю секунды противника не было видно, потом корабль Карсона развернулся, и тот снова появился на экране - Карсон увидел, как он круто снижается к Земле.

К Земле?!

Какая-то оптическая иллюзия, не иначе. Этой планеты, теперь занимавшей весь экран, не могло быть здесь. Просто не могло. Вокруг не было ни одной планеты ближе, чем Нептун, а он был в трех миллиардах миль. Плутон находился по другую сторону Солнца, которое виднелось отсюда крохотной точкой.

А как же системы слежения? Они не обнаруживали никакого предмета размером хотя бы с астероид. Сигналы молчали и сейчас.

Этого не могло быть - того, к чему он приближался и что было уже в нескольких сотнях миль под ним.

Внезапная угроза катастрофы заставила его забыть даже о противнике. Он включил передние тормозные ракеты и, повиснув на ремнях, изо всех сил навалился на штурвал аварийного разворота, зная, что только полная мощность двигателей спасет его от катастрофы и что от таких перегрузок он сейчас потеряет сознание.

А теперь он сидел на горячем голубом песке, совершенно голый, но целый и невредимый. Вокруг не было никаких следов его космолета, да и самого космоса. Эта поверхность над головой никак не могла быть небом.

Он, шатаясь, встал на ноги. Сила тяжести была немного больше земной. Не намного.

Кругом простирался ровный песок. Кое-где группами росли какие-то тощие кустики. Они тоже были голубые, но разных оттенков - одни светлее, чем туесок, другие темнее.

Из-под ближайшего куста выбежало маленькое животное, похожее на ящерицу, только у него было не четыре ноги, а гораздо больше. Оно тоже было голубым - светло-голубым. Увидев Карсона, оно снова спряталось под куст.

Боб снова посмотрел вверх, пытаясь сообразить, что же там такое. Это не было похоже на крышу, однако имело форму купола. Оно мерцало, и смотреть на него было трудно. Но оно определенно со всех сторон доходило до самой земли - до голубого песка.

Боб стоял недалеко от центра купола. До ближайшей стены - если это стена - было метров сто. Над плоской поверхностью песка как будто было опрокинуто какое-то голубое полушарие метров 250 в окружности.

И все было голубое, кроме одного предмета. У дальней стороны круглой стены лежало что-то багровое. Это был почти правильный шар диаметром около метра. Он был слишком далеко, чтобы его можно было ясно разглядеть в этом голубом мерцании. И все-таки Картон почему-то содрогнулся.

Он вытер пот со лба тыльной частью руки.

Что это, кошмар? Эта жара, этот песок, это смутное ощущение ужаса при одном взгляде на багровый шар?

Сон? Не может быть: во время космического боя не засыпают.

Смерть? Невозможно: если бессмертие и существует, то в нем не может быть этого бессмысленного голубого песка, голубого жара и багрового ужаса.

И тогда он услышал голос.

Он услышал его не ушами - голос зазвучал внутри его головы. Он шел ниоткуда и отовсюду.

"Путешествуя в пространстве и времени, - звенело у него в мозгу, - я обнаружил две цивилизации, готовые начать войну, которая истребила бы одну из них и настолько ослабила бы другую, что она неизбежно регрессировала бы и уже никогда не выполнила бы своего предназначения, а распалась бы и вернулась в прах, из которого она поднялась. Но этого не должно случиться".

"Кто... ты?" - Карсон не сказал это вслух, но вопрос возник у него в мозгу.

"Ты не сможешь этого правильно понять. Я... - голос замолк, как будто искал в мозгу Карсона слово, которого там не было, которого он не знал. - Я результат эволюции цивилизации такой древней, что ее возраст нельзя выразить понятными для тебя словами. Цивилизации, слившейся в единое целое, каким может стать и твоя примитивная цивилизация... - снова пауза, подыскивание слова, - много времени спустя. Такими могут стать и те, кого ты называешь Пришельцами. Поэтому я и вмешался перед началом битвы, столь равной, что результатом ее будет истребление обеих цивилизаций. Одна из них должна выжить. Выжить, чтобы развиваться дальше".

"Одна? - подумал Карсон. - Моя или..."

"В моих силах прекратить войну, послать Пришельцев назад, в свою галактику. Но они все равно вернуться, или же вы рано или поздно их найдете. Только постоянным вмешательством мог бы я предотвратить взаимное истребление, но я не могу остаться. Поэтому я решил вмешаться сейчас. Я полностью истреблю один флот без всяких потерь для другого. Так одна из цивилизаций сможет выжить".

"Кошмар. Конечно, это кошмар", - подумал Карсон. Но он знал, что это не кошмар.

Все это было слишком бредово, слишком невероятно, чтобы не происходить на самом деле.

Он не осмелился задать вопрос - который? Но его мысли задали этот вопрос сами.

"Выживет сильнейший, - сказал голос. - Этого я не могу - и не стал бы - изменять. Я просто вмешаюсь, чтобы это была настоящая, а не... - снова пауза, - а не Пиррова победа, чтобы победившая цивилизация не была ею сломлена.

Я выбрал двух индивидуумов - тебя и Пришельца. Я вижу, что в вашей древней истории, истории межнациональных войн, известны поединки между представителями племен, решавшие исход борьбы.

Тебе и твоему противнику предстоит выдержать поединок. Оба вы наги и безоружны, обстановка одинаково незнакома обоим, одинаково неприятна для обоих. Время не ограничено - здесь нет времени. Один из вас победит. Его цивилизация выживет".

- Но... - Карсон сам не знал, что он хотел сказать, но голос не ответил...

Вариант 12

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

— Только не засни, — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры. Двадцать первый день он боролся со сном за рулем пескохода, который качаясь из стороны в сторону, переваливал одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы полегче, если бы не приходилось то и дело объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись группами: один вел машину, а другой тряс его/не давая заснуть.

— Но в одиночку лучше, — напомнил Моррисон сам себе. Берешь вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым.

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, все плясало и зыбилось. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был рослый, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, заработать себе состояние, как это сделали уже многое до него. В Престо — последнем городке на рубеже дикой пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

Десяти долларов в Престо хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи пустынных волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Теперь же, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть. Именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли.

Он выключил радио и крепко впился обеими руками в руль. Разжав одну руку, он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше чем полчаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его до того, как кончатся припасы.

Там, впереди, должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящее месторождение, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тринадцать миль в час, и Моррисон попытался сосредоточиться на опаленной жаром желтовато-коричневой местности. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейн.

Когда он доберется до богатой залежи, то вернется на землю, купит себе ферму в океане и они с Джейн поженятся. Хватит с него старательства! Только бы одну богатую находку, чтобы он мог купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его это вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся, плавая в планктонных садках, а он сам в маленькой подводной лодке, сопровождаемый верным дельфином, посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из за коралловых зарослей сера-стальная акула...

Пескоход бросило вбок. Моррисон очнулся, схватился за руль и изо всех сил повернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Опасно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под его широких шин, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу. И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился на бок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту. Она падала несколько секунд, а потом рухнула на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал, как с гулом лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

— Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню ситуацию. Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

— Могло быть и хуже, — сказал себе Моррисон. Он нагнулся и внимательно осмотрел шины.

— Оно и есть хуже, — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеозэкран. Он увидел длинное угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторе». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. — Вы тот самый парень, который поехал один по Юго-Западной тропе. Ну как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Замечательная машина. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то без них мне не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если вы покажете мне наличные или чек, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ни чего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода и снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. Смотрите. Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все, — сказал Эдди.

— Но это богатое место, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к чему-то крупному, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил эти деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он выключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Макс Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Макс негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его признаки. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе. Нужно взять телефон, походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И ничего больше, кроме воды, — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон был готов. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода самое драгоценное имущество человека, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись досыта, он взвалил на плечи мешок и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота, становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над ним, как крыша из раскаленного железа. Моррисон шел по следам золота, а по его следам тоже кто-то шел.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его отслеживает.

Венерианская порода волков, маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, как будто в усмешке, челюстями, была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел, как рядом с первым волком появились еще два.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно. Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе футах в десяти от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортровку.